

A cinematic photograph of a man in a dark suit standing on a wet city street at night. He is seen from behind, looking up at a massive, illuminated skyscraper that dominates the center of the frame. The street is lined with older buildings and cars, with streetlights reflecting on the wet pavement. The overall mood is dramatic and futuristic.

Иван Лысенко

Определяющий реальность

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Лысенко

Определяющий реальность

<https://litres.ru/74090088>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он выжил там, где другие погибли.

Обычный банковский сотрудник, прошедший через ад испытаний, вынужден играть по жестоким правилам мира, где доверие – роскошь, а предательство – ежедневная валюта. В мрачном мегаполисе, контролируемом лицемерной элитой и криминальными структурами, где каждый скрывает истинные мотивы, герой балансирует на грани долга и принуждения, правды и иллюзии. Каждый его шаг – риск, каждое решение – вызов самому себе.

В поисках правды об обстоятельствах смерти жены он добровольно вступает на тропу разрушения. Он готов уничтожить всех, кто причастен. Но что, если правда окажется страшнее его предположений? И что, если в этой войне он потеряет не только врагов, но и самого себя?

Содержание

Иван Лысенко	4
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	45
Глава 7	50
Глава 8	58
Глава 9	64
Глава 10	76
Глава 11	84
Глава 12	90
Глава 13	96
Глава 14	102
Глава 15	107
Глава 16	114
Глава 17	124
Г	135
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Определяющий реальность

Иван Лысенко

Остается лишь то, что нерушимо.

Нерушимо — потому что значимо.

Значимо — ибо необходимо.

Необходимо — пока не рассыпешься в прах.

Глава 1

Сначала было отчаяние

Перебирая в сознании череду случайностей и закономерностей, приведших меня к прекрасному, в понимании многих, душераздирающему акту человеческого самоистребления, ко мне пришло полное понимание того, сколь незначительно влияние выбора, а также осознанности совершаемых действий в нашей с вами жизни. Впрочем, это естественно. Ведь если задуматься, человечество — буквально ничто, наша солнечная система — не более чем ничто, наша Вселенная — немногим более, нежели ничто. Забавно наблюдать, как ученые, деятели культуры и религии, уверенные в достижении какого-то мнимого результата, пытаются осмыслить неизведанное и навязать свои вымученные суждения массам. Однако человеческая природа такова, что мы будем их слушать, мы будем их слышать в погоне за иллюзией собственной значимости, гонимой беспрецедентно раздутым людским эго — первым, абсолютным в своей уникальности видом на данной планете. Но следует помнить: человечество — буквально ничто, наша солнечная система — не

более чем ничто, наша Вселенная — немногим более, нежели ничто.

К лежащему на больничной койке пятнадцатилетнему подростку не может прийти полное осознание такого обманчиво красивого и увлекательного во всех отношениях слова, как лейкемия, а также того ужаса, который за ним сокрыт. Врачи щадят нас. Принимают для себя тяжелое, но в то же время верное решение — не говорить всей правды. При любой возможности стараются отмолчаться. Их можно понять. Ненужная информация, на которую не в силах повлиять ни ребенок, ни его родители, ни кто бы то ни было еще, не способна принести ничего, кроме замешательства и вреда. Вместо этого, доктора вкладывают в голову необходимый базис: строго выполнять то, что требуется, стараться не впадать в отчаяние, а также пытаться мало-мальски жить. Другой вопрос в том, каким образом донести это юноше, который шесть месяцев назад в легких кроссовках мчался по полю за мячом? А теперь, едва волоча ноги, он, обессиленный разрушающим организм лечением, шаркает в промокших, тяжелых зимних ботинках по снегу на пути в больницу. И глаза его не отражают ни малейшего проблеска — ни желания бороться, ни сил жить.

Я помню белые стены, высокие потолки и ту гнетущую атмосферу безысходности с крошечным огоньком надежды, едва мелькающим в кромешной тьме. Шанс добрать роял-флеш на ривере при невероятно высоких ставках казал-

ся мне реальнее и привлекательнее, нежели вероятность выздоровления. Подтверждением служили смерти — слишком много смертей. Умирили дети. С некоторыми из них я дружил, строил планы на будущее после болезни. Наивно? Конечно. Но мы хотели мечтать и были чисты в своих помыслах. Действительность же оказалась страшнее: душераздирающие крики, надрывные истерики, боль, слезы, а болезнь все никак не отступала. Уповать на чудо? Надежда на него давно угасала. Состояние, при котором тебя тошнит круглые сутки, когда ты не в силах поднять голову с подушки, терзает, сколь ни храбришься. Несмотря на это, я пытался делать вид, что все хорошо. Меня бросили почти все, кого я считал друзьями, — все хорошо. Я не мог есть и пить из-за неослабевающего помутнения — все хорошо. Я видел, как по вене течет жидкость тыквенного оттенка, цель которой подарить, дать мне возможность, надежду на жизнь, но она убивала меня (очень схоже с любовью, не правда ли?) — все хорошо.

Естественно, это вылилось в затяжную, глубокую рефлекссию. Я думал обо всем: о жизни и смерти, дружбе и любви, о предназначении и необходимости собственного существования. Эти мысли тесно переплелись с тяжестью и бессмысленностью моего тогдашнего положения, отголоски которого проявлялись очень долго, так и до конца не став реминисценцией. Но, возможно, оно и к лучшему. Ведь однажды я понял: все уже случилось, и я не в силах это изменить. Мое дело — вынести из произошедшего какой бы то ни было урок

и, если остались мотивация и желание жить, настроить себя на позитивный лад.

Помощь в этом пришла оттуда, откуда я не ожидал. Один хороший человек — я называю его Марти — оказался единственным из тех, кого я когда-то считал друзьями, кто не бросил меня. Мы неплохо общались еще с начальной школы, но я и подумать не мог, что именно он станет для меня кем-то вроде мудрого Вергилия, проводящего мрачного Данте сквозь ад. Конечно же, не к раю. И отнюдь не к Беатриче... но хотя бы в чистилище. На тот момент я не надеялся даже на это, поэтому был искренне рад, что у меня появился такой человек.

Свою роль сыграл и случай — куда уж без него в таких делах? Мои родители, отношения которых, как я тогда думал (и оказался прав), были исчерпаны, неожиданно решили завести второго ребенка. Когда родилась моя сестра, мне было чуть меньше двенадцати. Я хотел брата, как, наверное, большинство мальчишек моего возраста. Мечтал быть ему другом и наставником, ведь не понимал, каким образом взаимодействовать с девочкой. Как оказалось, все довольно просто: нужно было лишь любить ее, заботиться о ней и оберегать. Жаль, что понял я это не сразу, а выработанные за время болезни черствость и скупость на эмоции не позволили мне в полной мере отплатить ей за жизнь.

Но я немного отвлекся. После трех лет борьбы с болезнью и краткосрочной ремиссии, едва достойной упомина-

ния, случился рецидив. В такой ситуации лечение предполагает трансплантацию костного мозга. Однако все оказалось не так просто: перед процедурой пациент должен иметь оптимальный общий статус — отсутствие очагов воспаления, незаживших ран и заболеваний внутренних органов. И это без учета необходимости подобрать подходящий трансплантат костного мозга, а при его отсутствии — донора.

Тогда-то на передний план и вышла моя старая нерешенная проблема. На одном из обследований в моем легком обнаружили пятно размером с крупный кедровый орех. Никто до конца не понимал, что конкретно оно из себя представляет. Одни специалисты говорили про грибковую природу, другие про злокачественную либо доброкачественную опухоль, третьи предполагали туберкулез. В конечном итоге после многочисленных консультаций врачи склонились к третьему варианту. Все это выяснилось еще до рецидива, и с того момента я начал принимать токсичные противотуберкулезные препараты. Решили обойтись ими, полагая, что ситуация не требует скоропалительных мер. Но возвращение болезни вынуждало решать вопрос радикально — операцией.

Именно в тот самый момент я лично столкнулся с жестокостью и беспринципностью системы — молчаливой, почти незаметной, но устрашающей в своем безмерном безразличии. Врачей, поставивших диагноз «туберкулез», мало волновало мое положение: они отказались дать разрешение на удаление «ореха», ссылаясь на риск распространения

инфекции при нарушении целостности образования. Но все понимали, что речь шла прежде всего об их собственной безопасности: ведь если бы вскрытие показало, что это не туберкулез, их компетентность оказалась бы под большим сомнением.

Но даже в этой ситуации мне снова помог случай. Хозяйка апартаментов, которые снимали родители, чтобы быть рядом со мной, как всем казалось, в мои последние дни, посоветовала одного врача. Она предупредила, что шансы попасть к нему невелики, но попробовать однозначно стоило. И хотя сама арендодательница также являлась квалифицированным доктором, располагающим определенными связями, помочь смогла одним лишь советом и передачей деловых контактов моему отцу. Вспоминая рассказ папы о той поездке, я до сих пор не могу понять, по какой именно причине тот хирург решил за меня взяться. Он был мужчиной средних лет, невысоким, всегда гладковыбритым и с нехарактерной для его возраста платиновой сединой. Стол, за которым он сидел, постоянно окутывала тяжелая сизая дымка, ведь курил он в прямом смысле прикуривая одну сигарету другой. Возможно, это была одна из причин его смерти в еще отнюдь не пожилом возрасте. Но, по-видимому, без этой привычки работать он просто не мог.

Отец приехал к доктору с пустыми руками и долго ждал его под дверью кабинета. Когда врач пришел, он дал папе час, чтобы привезти мой анамнез и снимки. Все осложня-

лось тем, что больница, где я лежал, находилась на другом конце города, да и мои доктора категорически не испытывали никакого желания отдавать документы. Тем не менее отцу удалось их добыть и чудом успеть вовремя. Как тут не задуматься о Божьем провидении? Осмотрев бумаги, доктор произнес:

— С такой «гранатой» в легком жить нельзя. Везите парня, я постараюсь помочь.

Операция прошла довольно успешно. Он действительно оказался мастером своего дела. При предполагаемом удалении доли либо легкого целиком я отделался лишь сегментом. Вспоминая резкую, жгучую боль от дренажей, торчащих из моих ребер и откачивавших скопившуюся в них жидкость, ко мне каждый раз приходит ощущение, что ничего более болезненного в физическом отношении за свою жизнь я так и не ощутил. Но то были лишь издержки. В итоге мне дали разрешение на трансплантацию костного мозга.

Моя маленькая сестра подошла на сто процентов. Идеальный донор. Каковы шансы?! В момент, когда об этом стало известно, я на долю секунды поверил в чудо. До сих пор помню слова, которые пятилетний ребенок в полной осознанности произнес в ответ на вопрос:

— Ему нужна помощь. Чтобы он жил, нам необходимо совершить забор твоего костного мозга. Можем мы это сделать?

На самом деле от ее ответа ничего не зависело, ведь про-

цедуру все равно бы провели, но она сказала:

— Конечно, я хочу помочь брату.

И чудо произошло. Не без последствий — я потерял около шестидесяти процентов слуха, лишился возможности иметь детей и приобрел хроническую хромоту. Тем не менее я вернулся к жизни. Вхождение в нее далось тяжело: изоляция, отсутствие общения, физические ограничения — все это влияло на меня. Я поступил в университет на специальность «Финансы». Кое-как, ведь последние школьные годы я почти не учился. Но это уже было неплохо. На горизонте передо мной наконец замелькала перспектива обыкновенной, тихой жизни. И на тот момент мне казалось, что я этому искренне рад.

Глава 2

Квипрокво

Однако небольшое отступление. Запутавшись в перипетиях юности, я, что логично, утратил одну немаловажную деталь, отвечающую за становление мальчика уже в форме мужчины, — женщину. Но не стоит начинать испытывать сочувствие, а тем более жалость к этому факту. Ведь еще до болезни со мной случилось нечто нехарактерное для большинства беззаботных сопливых парнишек. Что сказать, в одно мгновение жизнь способна подкинуть самые неожиданные события.

Незадолго до десятилетия я познал женщину. Однако... «познал», «женщину», ха! Это слишком уж громкое заявление. Я бы хотел, чтобы все это было не правдой, а лишь большой фантазией детского воображения, ведь ситуация, как чаще всего бывает, банальна и проста — я был растлен.

У друзей моих родителей, по большей части хороших приятелей отца, есть дочь. На момент нашего с ней знакомства ей было четырнадцать лет. Уже тогда у нее прослеживались манящие изгибы тела и правильные черты лица, а также

неподдельный интерес к моей персоне, сколь бы сильно она не пыталась его скрывать.

Рутинность произошедшего далее не может не вызвать зевоту. Рождественский вечер, ночевка в доме ее родителей, она немного выпила (ее предки были отнюдь не консерваторы) — и вот под моим одеялом уже лежит юная девушка, которая будит меня поцелуем в шею. Натирая при этом, будто между делом, свою промежность о мою ногу. Я был правильным, послушным, совершенно обычным, хорошим ребенком и вообще не понимал, что со мной происходило. Благо, она довольно быстро объяснила, что и как нужно делать. Конечно же, в ту ночь не случилось ничего, что можно было бы назвать сексом. Она лишь дала волю своим желаниям. Именно тогда я впервые потрогал женскую (если можно ее так назвать) грудь. Да и не только ее, если уж быть до конца откровенным.

Секс случился позже. Ей пришлось ждать целых семь месяцев. Мы с родителями периодически захаживали к ним по праздникам и выходным. Каждый раз при этом я уединялся с Моникой на втором этаже (он целиком и полностью был отдан ей во владение) их дома, дабы «поиграть». Знали бы родители, в какие «игры» мы играем, уверен, как минимум впредь бы контролировали наше общение, а вероятнее всего, полностью упразднили бы его. К счастью, при встречах они были всецело заняты самими собой, поэтому времени «наиграться» со мной у Моника всегда было достаточно.

Я запомнил ее как довольно уверенную в себе девушку, с волосами ярко-рыжего оттенка, прямым носом и серо-зелеными, зачастую немного прищуренными глазами. У нее было не худое, но при этом вовсе не толстое телосложение, потрясающей формы грудь и гладкая кожа. Меня всегда умиляло, как она слегка прихрюкивала во время смеха. Поэтому я часто старался ее рассмешить.

Такой я ее и запомнил: легкой, веселой, потрясающей девушкой. И хотя я наблюдал за тем, как она изменялась со временем, мое сознание так и не позволило мне видеть ее по-другому. Узнай бы мои тогдашние приятели, а общался я в большинстве своем с парнями на два-три года старше меня, что и с кем происходило в моей сексуальной жизни на то время, вероятнее всего, не поверили бы, а если бы и поверили, иссохли бы от зависти. Или же просто избили. Мальчишки, что с них взять? Но я был достаточно умен, дабы понимать, что не стоит об этом кому-либо рассказывать. Ведь, если кто-нибудь узнает, все закончится. А я этого не хотел. Конечно же, сначала я боялся и смущался, ведь до конца не осознавал, что и почему происходит. Однако спустя некоторое время, что называется, втянулся. Моника стала моим личным наркотиком.

Собственно, я снова отвлекся. После того как наша с ней близость произошла впервые (стоит отметить, что ее спутниковая тарелка прекрасно тянула большое количество эротических каналов, поэтому Моника была осведомлена о рисках

и позаботилась о защите, а также моем сексуальном просвещении, посредством чтения книг и показа записей), какое-то время я чувствовал себя очень взволнованно. Я хотел, чтобы это повторялось снова и снова. И оно повторялось. Повод приходить к ней почаще был найден довольно быстро. Я стал хуже учиться в школе, если конкретно — снизил заинтересованность английским. Естественно, то было лишь банальное притворство, но оно сработало. И так, как английский Моники был практически на университетском уровне (что неудивительно: ее отец был преподавателем английского языка и литературы), мои предки сами вложили нужное решение в мои руки. Благо, родители Моники были тоже тому не против. Практика и, конечно же, личный заработок не могли не выглядеть прекрасными возможностями для их дочери. До сих пор не понимаю, почему моим репетитором не стал отец Моники, ведь изначально я рассчитывал на короткие встречи после практикумов под предлогом «поиграть». Думаю, что общая занятость, а также видение дочери продолжателем его профессии сыграли определяющую роль. И вот один раз в неделю, в субботу, во второй половине дня я «подтягивал язык» с Моникой. Время, которое я проводил с ней, казалось мне самым волнующим, интересным, интригующим и захватывающим в моем юношестве. «Юношестве»... в этом отношении более уместным было бы слово «детстве». Ведь не стоит забывать, что на данном этапе повествования речь идет о пятнадцатилетнем подростке и десятилетнем ре-

бенке, который в силу своего возраста гиперболизировал все чувства и эмоции от происходящих с ним событий.

Так продолжалось несколько лет. Но, как заведено, всему в этой жизни рано или поздно наступает конец. Я уже не помню, в какой конкретно момент... и происходило ли это постепенно, в памяти всплывают лишь безграничные холодность и безмерное отчуждение, с которыми Моника стала ко мне относиться ориентировочно с того периода, когда мне исполнилось двенадцать лет. Она вела себя так, будто между нами ничего никогда не случилось. А все те вещи, о которых я был не прочь ей напомнить, — лишь плод моих детских фантазий. Жестоко? Несомненно. И на тогдашнего меня это произвело сильное впечатление. Нет, я отнюдь не страдал, ведь, полагаю, никогда не любил ее (в общепринятом понимании данного слова), да и она никогда не любила меня. То, что произошло между нами, можно охарактеризовать в большей степени любопытством. Ей было интересно испробовать то, что она увидела по телевизору, а я, вероятнее всего, оказался в нужном месте в нужное время. Мне же было приятно, что на меня обратила свое внимание уже ничуть не маленькая, довольно симпатичная, интересная девушка. Душу лишь травил мысль, что мной воспользовались, а с моментом потери интереса либо его переключения в сторону другого объекта выкинули. Но на что еще я мог рассчитывать? Полагаю, именно с той поры в моей голове закоренела мысль: отношения, какие бы то ни было, не более чем взаимовыгод-

ное сотрудничество. Зачастую, вероятно, даже всегда, в сухом остатке приносящее лишь разочарование и боль.

После случившегося в осознании того, что все закончилось раз и навсегда, мне пришлось остаться наедине с самим собой. Я никогда не чувствовал особой близости с родителями. Да и новорожденная сестра не вызывала у меня каких бы то ни было сильных чувств. В Монике же я видел ту, с кем мне хорошо. Ту, к которой хочется возвращаться из раза в раз. Конечно, это чувство было извращено тем, к чему ребенок ни при каких обстоятельствах не должен иметь доступ. Тем, что меняет детское восприятие обширного набора внутренних ощущений при взрослении. Тем, что не может пройти бесследно. Ведь в дальнейшем (я могу отчетливо это проследить) я стал гораздо более замкнут и безэмоционален. События, которые должны были радовать обычного ребенка, больше не вызывали у меня ничего, кроме безразличия. Либо порождали что-то граничащее с базовым набором каких-либо эмоций, но совсем не в той степени, в которой они должны были проявляться. Мне стало скучно. Какое-то время я пытался находить отдушину в баскетболе, в котором, как меня уверяли, имел неплохие перспективы. Наладил учебу. Больше внимания стал уделять общению со сверстниками. Это вылилось в то, что в четырнадцать лет я впервые осознанно попробовал алкоголь. Звучит довольно громко с учетом того, что я выпил всего пару бутылок пива, но все же. Конечно, я лишь пытался заполнить оставшую-

ся после ухода Моники пустоту. Как-никак эта девушка являла собой мою тогдашнюю интенциональность. И, как ни странно, в какой-то момент переключиться все же вышло. Я немного повзрослел. Начал интересоваться другими девушками, а в связи с моей достаточно высокой популярностью в школе найти с ними общение мне не составляло особого труда. Стал прекрасно учиться. Как выяснилось, учеба давалась мне довольно легко, стоило лишь приложить к ней небольшой интерес. У отца пошли в гору дела в его бизнесе, соответственно, в нашей семье не было проблем, связанных с деньгами. Мы собирались переезжать в новый, строящийся с подачи папы дом. Все складывалось очень даже неплохо.

Как можно понять, именно тогда произошли события, описанные ранее. Я заболел, бизнес отца прогорел, дом был продан в счет уплаты долгов, отношения моих родителей окончательно разладились. Все начало понемногу, но планомерно рушиться. Единственное, что я до сих пор отчетливо помню с того времени, — это слова моего отца. Хотя, если быть точным, они были не совсем его. Он невзначай передал мне удивление мамы Моники тому факту, что ее дочь после того, как узнала и осознала, чем я болел, просидела у себя в комнате, почти ничего не ев и проплакав в истерике двое суток. Понятное дело, ее мама не имела представления, почему Моника так эмоционально отреагировала на это известие. Однако это понимал я. И меня немного грела мысль, что, значит, все-таки я был для нее важен. Видимо, то, что

между нами произошло, для нее тоже было не просто спонтанным событием, отложенным где-то настолько глубоко в подсознании, что не имело никакого сколь-либо осязаемого веса.

Являлись ли эти мои эмоции истинным, экзистенциальным чувством, банальной гордостью либо эгоистичным заигрыванием с собственным необъятным подростковым сомнением? Хороший вопрос. Я больше склоняюсь к третьему варианту. Нет, не потому что я не видел в Монике ничего теплого, светлого, за что моя уже на тот момент не по годам прагматичная натура не могла бы ухватиться. Скорее, из-за одного ненавидимого мной характерного для человека качества, базовым постулатом которого является совершенно простое в своем понимании стремление потешить самолюбие при любой сколь бы то ни было подходящей возможности. Однако все же странно, конечно, что такие вот известия могут вызвать положительные эмоции у ребенка, находящегося на пороге смерти. Но то было именно так.

Возымело ли это какой-либо эффект в контексте моей мотивации к борьбе с болезнью? Не думаю. Я обрел лишь греющее естество понимание, что, несмотря на столь юный возраст, я смог оставить отчетливый след в жизни человека, который как-никак не был мне безразличен. С этой мыслью, кстати говоря, было не так уж и обидно умирать. Но, что очевидно, я выжил... Нет. Тот я, которому пришлось в четырнадцать лет столкнуться со смертельной болезнью, все же умер.

Выжил некто совершенной иной.

Глава 3

Утопия

Вступая после длительной изоляции в критически мало-знакомый мне мир, я не единожды ловил себя на мысли, что обрел способность находить что-то хорошее даже в совершенно не располагающих к этому вещах. Я вкусно поел — я счастлив, я встретился со старыми знакомыми — я счастлив, меня не тошнит день, неделю, месяц, год — я счастлив, за день со мной не произошло ничего дурного — я безумно счастлив. Все-таки это достаточно иронично, но в то же время логично: по-настоящему ощутить радость обыкновенной жизни лишь после того, как находился на пороге смерти. Однако в бессознательной погоне за тенью недостижимого, выжимая из себя все соки в стремлении осуществить свои бесполезные желания, человек теряет способность извлекать счастье из малого. Довольно удачно вновь обрести такую способность, по большей части присущую маленьким детям. Пусть даже и высокой ценой.

Но мне было необходимо двигаться дальше. Я не мог позволить себе сидеть на месте в ожидании чуда, ведь мне ка-

залось, что и так уже произошло достаточно много чудес для меня одного. Собственно, я принял решение поступить в университет. Период моей учебы проходил сумбурно, грызть гранит науки получалось со скрипом. Недостаток базового образования все же давал о себе знать. Но это нисколько не вгоняло меня в тоску и не побуждало прилагать большие усилия, дабы наверстать упущенное. Я жил одним днем, просыпаясь каждый раз как в последний. Отчетливо понимая, что таковым мое утро в теории может и обернуться. Ведь просто излечиться от болезни недостаточно. Рецидивы, внезапные осложнения, банальная смертельная случайность — я держал в своей голове информацию обо всех вероятных событиях. Нет, это отнюдь не тяготило меня, скорее напоминало о том, чего забывать не стоит: сколь бы много запрограммированного дерьма на тебя не пытались излить общество, не стоит к нему прислушиваться. Ведь оно ведомо лишь целью впитать тебя. Вогнать в систему. Превратить в очередного муравья, трудящегося во благо сообщества. Исходя из этого, я пришел к выводу, что самый лучший выход в моей ситуации — жить так, как считаешь нужным. И какое-то время мне казалось, что я действительно плыл против течения.

Мои университетские дни трудно назвать сколько-нибудь продуктивными. Скучные занятия переплетались с пьянками, коих было довольно много. Алкоголь, провоцирующий случайные знакомства, а также общение ни о чем, не с теми людьми и не в тех местах — всему этому я не мог наrado-

ваться в тот период моей жизни. Это было как минимум что-то новое. То, что не тяготило, а, наоборот, добавляло легкости. Именно тогда мне показалось, что и весь мир такой, стоит лишь убрать из него болезнь: доступный, приветливый и не требующий от тебя никакой ответственности.

На одной из стандартных вечеринок я повстречал девушку, которая показалась мне довольно интересной. Мы разговорились, нашли большое количество точек соприкосновения, решили продолжить наше общение дальше и со временем сблизились. Нет, о любви там не было речи — как я понял позже. Но в период наших немногочисленных свиданий у меня действительно возникало ощущение, что я полюбил ее. Грейс была слегка полноватой, не очень высокой девушкой с круглым лицом, темно-кариими глазами и длинными густыми волосами каштанового оттенка. В сравнении с Моникой она выигрывала и внешностью, и легкостью общения, а ее недюжая симпатия ко мне делала Грейс еще привлекательнее. Наши отношения развивались довольно страстно, однако видеться так часто, как хотелось бы, было невозможно. Грейс жила ориентировочно в ста пятидесяти милях от места моей учебы в классическом небольшом городке, где «все друг друга знают». К моменту нашего знакомства она уже числилась клерком в мэрии, хоть и была моложе меня на пару лет. Но то довольно частое явление, когда жители небольших городов в альтернативу учебе предпочитают устраиваться на работу посредством знакомств. Ко-

нечно же, в проверенные места и с гарантированными перспективами дальнейшего карьерного роста. Случай Грейси не был исключением. Все-таки ее мама заведовала одним из отделов городской администрации. Но не стоит преждевременно обольщаться. Отношения Грейс с родителями были совершенно не беззаботными. Пьющий инфантильный отец, ну и, соответственно, неудовлетворенная обозленная на весь мир мать, которая была не прочь излить всю накопившуюся желчь на единственного ребенка. Грейс жила в подобных обстоятельствах добрую половину ее двадцатилетней жизни. Когда я узнал об этом, мне стала очевидна причина ее помешательства на моей персоне. Она увидела во мне выход. А я в свою очередь был не прочь этим пользоваться.

Я обожал спать с ней. Ее молодое, упругое тело, одаренное пышными формами, подкреплялось невероятной страстью и отдачей в постели. Встречали ли вы на своем пути девушку, способную испытать оргазм восемнадцать раз за половой акт? Мне посчастливилось. И я торчал от этого. Конечно, было неудобно, что столь молодая и потому слегка наивная особа тратила свои личные деньги, чтобы снять номер в гостинице для наших еженедельных утех, но я сглаживал для себя этот дискомфорт ощущением семейности во взаимоотношениях. С каждой нашей встречей мое самолюбие разрасталось, как опухоль у семидесятилетнего заядлого курильщика, — стремительно и неотвратимо. Она любила меня, она хотела меня, она не представляла своей жизни без

меня. Чего еще можно пожелать?

Наши с Грейс встречи продолжались немалое время. Ведь оба партнера находили в них сакральный смысл: я вновь обрел почти утраченную за время болезни самоуверенность, а она получала то, чего ей так не хватало — любовь. Пусть в итоге и иллюзорную. Но ее и это удовлетворяло. А меня тем более.

Период моего обучения начал подходить к логическому завершению. Вымученная дипломная работа пылилась на полке в ожидании часа своей бесхитростной и бесперспективной презентации. Грейс по-прежнему была горяча. Однако наши отношения застыли на стадии между страстью и опустошением. Но большего никто и не просил. Мы, как и прежде, разгорались в постели, и этого было достаточно, чтобы удерживать хрупкое равновесие наших чувств. Но теперь передо мной вставал выбор: уезжать обратно в родной город, где, собственно, я и хотел жить после учебы, либо оставаться здесь и начинать понемногу выстраивать свою карьеру в гораздо более перспективном для этого месте. Как можно понять, для Грейс не нашлось уголка ни в одном из вариантов. Необходимо было что-то решать, но прежде нужно было закончить с Грейс. И желательно наименее болезненным способом. Нужен был лишь повод, и вскоре он был мне предоставлен.

За несколько месяцев до защиты дипломного проекта с родителями моей матери случилось сразу два несчастья: ее

отца разбил инсульт, а буквально месяц спустя нас окончательно добило еще одно известие — у бабушки обнаружился рак желудка четвертой стадии. Что дедушка, что бабушка очень тяжело переносили болезни. Перед всеми стоял один неизбежный и отвратительный вопрос: когда?..

В июне не стало деда, а следом за ним через три недели умерла и бабушка. Когда я рассказал об этом Грейс, то услышал в ответ следующее:

— Блин, жалко... Ладно, я позже тебе перезвоню. У меня на работе сегодня вечеринка, я спешу.

Что сказать, она так и не перезвонила. Я сам набрал ей. У нас был довольно тяжелый, грубый разговор, коих между нами не происходило никогда ранее. Закончилось же все достаточно предсказуемо. Я задал ей вопрос:

— Грейс, я все понимаю, мои бабушка с дедушкой не были для тебя близкими людьми, но они являлись таковыми для меня. Неужели было настолько сложно уделить мне хоть несколько минут?

— Нет, просто... я не знала, что сказать. К тому же меня подгоняли подруги. Они ко времени твоего звонка уже захали за мной. Нужно было спешить.

— Почему же ты тогда мне не перезвонила? — мой голос начал слегка дрожать.

— Я немного выпила, отвлеклась и забыла.

Я помолчал секунд десять, обдумал ее слова и ответил то, что единственной фразой крутилось в моей голове:

— Грейс, извини, но мы расстаемся. Не ищи больше, пожалуйста, встреч со мной и не пытайся выйти на контакт.

В ответ донеслось лишь безвольно сказанное «хорошо».

Я слышал, что она заплакала, но без доли сожаления окончил разговор. Да, я сам хотел разойтись с ней, но я не мог и подумать, что это будет сделано настолько омерзительным образом. Однако... была ли смерть родителей моей матери предлогом? Даже если бы я любил Грейс всем сердцем, если бы меня мучала негасимая страсть, неизлечимая зависимость, я бы все равно порвал с ней тогда. Другого исхода после произошедшей ситуации быть не могло. Поэтому — нет.

За всю свою жизнь я больше ее так и не увидел. Думаю, у Грейси все сложилось хорошо.

Глава 4

Огни большого города

И вот я стою на распутье. С одной стороны, относительно безопасная, беззаботная, скучная жизнь в родном городе: работа на местной фабрике, дом, жена-христианка и вечно балансирующая на лезвии ножа кредитная история. С другой — большой город, который уже успел стать частью меня, пусть даже и незначительной, немаленькое количество перспективных, интересных знакомств, но при этом бесконечный круговорот событий и агрессивная среда, пребывать в коей я категорически не хотел.

Помощь в принятии решения появилась случайно. Дипломная работа, оцененная на отлично, сильно приглянулась одному из членов приемной комиссии. Впоследствии это послужило чудесным подспорьем для моего трудоустройства в банк, управляющим которого он являлся. Ха, никогда бы не подумал, что проект на тему «Повышение эффективности деятельности сельскохозяйственных организаций на основе внедрения инноваций» может впечатлить банкира настолько, что он предложит вакантное место бизнес-аналитика че-

ловеку, буквально пять минут назад окончившему учебу. Но я предпочел не вдаваться в подробности его ко мне и моей работе симпатии. Факт состоял в том, что сразу после окончания учебного заведения я обзавелся довольно неплохой работенкой, которая позволяла мне не только держаться на плаву, но и иногда даже радовать себя некими излишками.

И я быстро оброс всем этим: коллеги – белые воротнички, ненужные, бессмысленные траты, пятничные игры в покер с ребятами из нашего отдела, случайный секс с сотрудницами, коих даже не надо было особо улаживать (иногда складывалось впечатление, будто они сами меня снимали). Забавно даже — считать свою жизнь и себя в некотором роде уникальными, настолько долго противиться системе, а в итоге быть полностью ею поглощенным. Но так я думаю сейчас. Тогда же я не замечал этого. Точнее, не хотел замечать. Я пошел на компромисс с самим собой. На компромисс, который на тот момент меня полностью устраивал.

А почему нет? Я не ощущал себя изгоем. Мужское окружение внимало мне в связи с успехами на работе, да и на любовном фронте. В определенной степени даже восхваляло. А женское окружение... женское окружение доставляло мне удовольствие. А те его представительницы, которые по тем или иным причинам его не обеспечивали, в поле моего зрения надолго не задерживались. Ведь я никогда не понимал, да и не пойму этих сумасшедших, которые не прочь водить дружбу с женщинами. Это же заведомо бесперспек-

тивно. Хотя, кто знает, возможно, это заводит — желать ей доброй ночи, в то время как ее трахает какой-то другой парень. Но в моем понимании дружба с женщиной всегда была сублимацией мужской несостоятельности. Определением низкой самооценки, если говорить простыми словами. Ведь состояние, при котором кто-то себя обманывает, а кто-то выжидает, не может быть нормой. Конечно, разговор не идет о здоровых отношениях в рамках института семьи, в коем дружба между партнерами должна быть самым собой разумеющимся фактом. Речь об омерзительном пресмыкании, что с мужской, что довольно часто и с женской стороны перед другим человеком, которому ты, по сути, безразличен. В жизни бы не стал иметь отношения с девушкой, у которой водятся мужчины-друзья, ведь я могу считать себя кем угодно, но уж точно не идиотом.

Однако я не хочу показаться каким-то женоненавистником, сексистом или, если уж на то пошло, шовинистом, вовсе нет. Я люблю женщин, но не сказал бы, что они мне нравятся. Да и мужчины мне не нравятся, по правде говоря. Поэтому правильным определением моего мировоззрения в этом отношении будет скорее мизантропия. На самом деле довольно проблематично найти хоть что-то, что может вызвать симпатию к человеку и уж тем более к человечеству. Но представителем этого вида я, к сожалению, являюсь, поэтому мне присущи такие способности, как наблюдение и адекватное восприятие всей этой бесчисленной грязи и несправедливо-

сти, ему характерной.

Снова я отвлекся: эти бесчисленные, прекрасные размышления... Не могу устоять. Продолжу. Моя карьера стабильно шла в гору, что поспособствовало моему переезду в апартаменты посolidнее, нежели прошлые, ползающие тараканы на кухне, которые вот-вот и получили бы собственные имена, ведь виделся я с ними гораздо чаще, чем с родственниками.

Родня, находившаяся в городе моего детства, в какой-то момент в принципе стала для меня чем-то отдаленным и полупрозрачным. Но не сказать, что я испытывал какую-то особую тоску по данному поводу. По большому счету, ведь это и есть социальный жизненный путь каждого индивида — круговорот расставаний и встреч. Мне же было довольно хорошо и одному. Всей этой мишуры из приятелей, компаний по интересам, случайных знакомств и связей было более чем достаточно. Большой город привлек меня, всецело мной завладел. Каждую неделю я открывал для себя в нем что-то новое, неизведанное. Зачастую что-то дешевое, значительно реже — дорогое. Всему ведь есть цена. Платой же моему в нем пребыванию была отвратительнейшая, монотонная, хоть при этом и относительно высокооплачиваемая работа.

Как упоминалось ранее, я не стал вдаваться в подробности симпатии ко мне директора банка. К слову, звали этого человека Боб. До сих пор помню его розовую лысину, блестевшую в свете офисной лампы, короткие седые усы и се-

рые штаны с синими подтяжками. Однако что-то во мне он разглядел: служебная лестница в нашей финансовой организации преодолевалась мной с невероятной скоростью. За четыре года я прошел путь от ничем не примечательного бизнес-аналитика до начальника отдела аналитики. И не сказал бы, что в этом было много моих особых заслуг. Я просто выполнял свою работу. Пусть даже мне и казалось, что делал я ее хорошо.

Очередная пятница — день покера. Теперь уже организатором этих встреч был я после незавидной участи, постигшей моего бывшего начальника. Там не было ничего такого — он всего-то попал под скоростной поезд моего необоснованно стремительного карьерного роста, не выдержал этого, написал заявление на увольнение и ушел с работы с гордо поднятой головой, отказавшись от предложенной ему смены должности. Мы с парнями, как и всегда, задержались на несколько часов после работы: пили алкоголь, смеялись, пытались ухватить переменчивую фортуна за хвост. Как-никак на кону стояло пятьсот долларов — по сотне с каждого участника. Вечер не был особенным. Как и в большинстве случаев, куш сорвал я. Что не особо удивительно, ведь классический «Техасский Холдэм онлайн» увлек меня с пятнадцати лет. Надо же было чем-то себя занять во время пребывания в больнице. Но последний диалог все же немного выбивался из нашей уже традиционной повестки подобных вечеров.

— Ладно, парни. В принципе, ничего нового. Вы, как я и предполагал, так и не научились играть, — эти слова, сказанные саркастичным тоном, были некоей моей визитной карточкой при победе, чем я уже начал довольно сильно раздражать остальных участников данных посиделок.

— Ай, сука, постоянно ты строишь из себя хрен пойми кого, — мой заместитель Хэнк не любил проигрывать, хоть и пытался скрыть этот факт за дружескими шутками. — Это все чепуха. Легко выделываться, обыгрывая любителей, когда у самого более чем десятилетний опыт игры.

— Да, — с нескрываемой ухмылкой ответил я. — А разве ты можешь предложить мне кого-то поинтереснее, Хэнк?

— Хватит уже выпендриваться! Вот мой дядька по молодости был телохранителем одного местного авторитета и рассказывал, что не раз присутствовал на действительно серьезных играх, не то что у нас тут...

— Да что ты, Хэнк. Кажется, что кто-то все-таки перепил бурбону. Либо у твоего старика полным ходом начал прогрессировать малярия.

— Хм... пошел ты! Дядька врать не станет! Он много чего вспоминал о том, что с ним происходило в молодости. Рассказывал о разборках как в баре «Святой Джо», так и за его пределами. Причем, уверен, озвучил он далеко не все.

— Что поделать, Хэнк, видимо, это у вас семейное: на уверенной, далеко не симпатичной пьяной физиономии нести всякий бред.

— Пошел. Ты. Нахрен. Еще раз. Начальничек! — со скрипящим раздражением в голосе ответил Хэнк.

После непродолжительного окутавшего помещение вечернего безжизненного офиса смеха все собрались расходиться по домам. Я, как и полагается, уходил последним. Сгрел в сумку свой заслуженный выигрыш, выключил свет, запер контору на ключ. Тогда никто, в том числе и я, не придал особого значения словам Хэнка. Болтовне этого низкорослого, необремененного особым интеллектом кареглазого шатена с дурацкой улыбкой и вечной манией при любой удобной возможности (а иногда и просто так) начисто выливать зад начальству в принципе верилось с трудом. Однако бар с таким названием в городе действительно существовал. И даже до меня, приезжего, доходили слухи, что там водилась местная мафия. Впрочем, лучше было не задумываться об этом, да и держаться подальше от подобных мест и тем для разговора.

Глава 5

Жизнь по Аристиппу

Таким бесхитростным образом я прожигал отведенное мне время. Уже, казалось, столь привычная понятная работа, встречи с безликими приятелями, подобные друг другу женщины, ночные, совершенно бесцельные вылазки в город. И так день за днем. Месяц за месяцем. Год за годом.

Какое-то время я действительно испытывал небывалое наслаждение от всего этого. Без каких-либо сомнений ныряя в грязь современного общества, плывя сквозь нее в бесконечных жалких попытках наткнуться на случайную дозу легкого дофамина. Видимо, все это и составляло тот фундаментальный набор эмоций и ощущений, необходимый мне, дабы не сойти с ума.

Но в какой-то момент в моей голове возник некий диссонанс между ожидаемым и действительным. Он проявлялся и ранее, однако в менее обостренной форме. И неудивительно, так как когда-то во время болезни я дал самому себе обещание, что если выкарабкаюсь, то уж точно не стану прожигать жизнь попусту... Как несложно догадаться, именно этим я и

занимался на протяжении последних без малого семи лет.

И с чем я остался? Мне вот-вот тридцать, у меня нет ни одного человека, которого я мог бы искренне назвать другом. Естественно, я, как и прежде, поддерживаю общение с Марти. Но нас разделяет расстояние, а также наличие у него собственной семьи, которой он, что естественно, посвящает львиную долю своих сил и времени. Да и я, если уж на то пошло, не горю желанием, чтобы Марти лишний раз обращал внимание на то безвольное, бесхребетное существо, в которое мне «посчастливилось» превратиться. У меня есть женщины, довольно много женщин, но нет ни капли любви. Я обладаю определенным успехом в своей профессии, но надо мной дамокловым мечом навис синдром самозванца. Я потерял и тот слабый контакт со своими родственниками, жившими в городе, в который я принял решение не возвращаться. Конечно, изредка я выходил с ними на связь, но больше с точки зрения не собственного желания, а некой семейной обязанности. Я старался переключаться, не заикливаться на этом. И оно действительно удавалось... какое-то время.

Наверняка многим знакомо это холодное чувство опустошенности, приходящее обычно по вечерам. Когда анализируешь прожитый день, день до него, день до них и так далее и не находишь абсолютно ничего, никакой даже самой мало-значительной детали, за которую ты мог бы ухватиться. Той самой еле осязаемой нити, способной вывести тебя из тем-

ного лабиринта твоего понемногу затухающего сознания. Я ощущал это с пугающей периодичностью. В один из подобных вечеров, точнее даже ночей, погрузившись в циклический разрушительный самоанализ, в моей голове вдруг промелькнула строчка, за ней еще одна, а потом третья и четвертая. Данное четверостишие в конечном итоге послужило фундаментом моей вновь вернувшейся страсти к поэзии. Я и раньше писал стихи, но то по большей части было ребячество, любовная лирика, что-то легкое и незначительное. Теперь же мой немного повзрослевший разум выдал зачатки для такого небольшого произведения:

Этот сиверкий дождь нагоняет тоску,

Почему тут так пусто? Понять не могу.

Поднесу свой висок на обед я курку,

Его тихий щелчок — и покой обрету.

У меня нет проблем, только голос внутри,

Он твердит, что я слаб, сколь в себя ни смотри.

Что я предал мечту, сам себе изменил,

Чтоб нажал на крючок из оставшихся сил.

И, если бы курил, вдыхал бы горький дым,

Лучше бы я бухал, душу бы пропил.

Но полумерами тут, увы, не обойдусь,

Свинец разрежет мой мозг... сука, да ну и пусть.

И вот сажу я в ночи, слегка скрепит табурет,

Темноту оскверняет лунной нежности свет.

То ли себя погубил, то ли сам себя спас,

Смелости не хватило... может, в следующий раз.

И что же — мне стало легче. Перенос внутренних переживаний на бумагу все-таки приносит свои плоды. Естественно, ни о каких реальных помыслах о самоубийстве не могло быть и речи... Нет, конечно, я размышлял об этом еще в подростковом возрасте, что с учетом моей биографии неудивительно. Но еще тогда пришел к однозначному выводу, что даже в случае, если я достигну крайней точки и не буду видеть другого выхода, кроме как совершить данное действие, мне на него банально не хватит смелости. Сделать осознанный и неотвратимый шаг в неизвестность, утратить все — даже мнимое ощущение надежды... Все-таки я слишком слаб для этого.

С того момента в периоды стабильно накатывающих на меня приступов меланхолии я брал карандаш, блокнот и в стихотворной форме записывал на лист бумаги строки, которые появлялись в моей голове. Я понимал, что это было не что иное, как компенсация, ведь я просто замещал тревогу писаниной. Но мне казалось, что это, если и не помогало, то хотя бы отвлекало меня.

День за днем, строка за строкой — наступил момент моего тридцатилетия. Я всегда страшился этой даты: осознание быстротечности времени сбивало с ног. Как-никак, если

с чем-то сопоставлять, то с момента, как я заболел, прошло пятнадцать лет — половина моей жизни. А с ремиссии — немногим более десяти.

Началось торжество до безобразия стереотипно: сюрприз в офисе, блеклые в своей заношенности хлопушки, смешные колпаки на резинках, торт для именинника, Хэнк, который в своей поздравительной речи не упустил случая поддеть меня по поводу уходящей молодости и слабо просматриваемой седины на висках. Молодец, Хэнки, очень умно — не видать тебе в этом месяце премии.

Все это выглядело красочно, но не вызывало во мне никаких чувств. Разве что тот терпкий на вкус сорбет из слабого раздражения и незначительной тоски, медленно спускавшийся по моему горлу, обжигая кислотой гортань, заставлял меня испытывать хоть что-то похожее на эмоцию.

Однако среди всего этого пресного карнавала лицемерия мой взгляд сумел остановиться на одной показавшейся мне интересной особе. Она была слегка полноватой, невысокой, кареглазой, длинноволосой девушкой, а ее притягивающая улыбка и громкий смех не оставляли мне ни единого шанса не проявить к ней симпатию. Лицо ее было милым до безобразия... ах да, еще кое-что: она прихрюкивала, когда смеялась. Точь-в-точь как Моника. Было ли это одним из моментов, способствовавшим моему к ней вспыхнувшему интересу? Возможно. Ведь я сразу обратил на это внимание и связал этот необычный смех двух, казалось, ничуть не похожих

друг на друга девушекек.

Я подозвал к себе Хэнка, чем вызвал его крайнее негодование. В тот момент он был занят своим любимым делом: в состоянии, которое можно охарактеризовать словосочетанием «нахохленный петух», рассказывал свои небылицы двум девушкам, которых я бы описал не иначе как «не в моем вкусе».

— Хэнк, понимаю, что ты вовлечен в крайне увлекательный процесс, но отвлекись, пожалуйста, и подскажи: кто эта девушка, разговаривающая с начальницей бухгалтерии у входа в переговорную?

— Какая? А, эта. Ну... она только пару дней назад устроилась к ним в отдел. Зовут Сидни, кажется. А что, ты и на нее собираешься свои похотливые ручонки наложить? На этот раз, уверен, без шансов. Поговаривают, что она из богатой семьи, так что с ней не пройдет твоя деревенская романтика.

— Не припоминаю, чтобы я интересовался мнением человека с придурковатой физиономией ребенка, появившегося на свет путем совокупления фермера с его троюродной сестрой. Хэнк, все, что от тебя требуется, — каким-либо образом увести от этой прекрасной особы миссис Букер. Задачу понял?

— Понял, — проворчал Хэнк. Ему явно не понравилась моя колкость, однако служебное положение обязывало выполнить приказ.

И в тот момент, когда Хэнк, уверен, максимально идиот-

ским образом утащил миссис Букер за собой, я, воодушевленный предвкушением первого, зачастую неловкого разговора с понравившейся девушкой, подошел к этой интересной как минимум на вид особе.

— Здравствуйте. Не мог не обратить на вас внимания — во всем этом праздничном безобразии вы определенно выделяетесь. Подскажите мне, пожалуйста, как вас зовут? — поскольку болван Хэнк не был уверен, точное ли имя назвал, пришлось уточнить самому.

— Сидни, — смущенно ответила девушка, я не мог не заметить слегка проявившийся румянец на ее щеках. Хороший знак. — А вас как зовут?

— Это неважно, — улыбнулся я. Всегда любил использовать этот прием при первом знакомстве: он неплохо подогревает интерес. — Важно лишь то, что факт моего тридцатилетия свел меня с такой милой девушкой.

— Да ладно вам! — Сидни засмушалась еще сильнее. — Спасибо. Так это у вас сегодня праздник! А я, признаться, до конца и не понимала, в честь кого здесь собрались все эти люди! — она засмеялась... и смех ее был точь-в-точь как у Моники.

— К сожалению, да, в мою честь, — с неким артистизмом в голосе и движениях ответил я. — Что поделать, обязательная процедура при дне рождения сотрудника нашей компании.

— Тогда я вас тоже поздравляю! Желаю всего самого свет-

лого, крепкого здоровья и поменьше унывать! — удивительно, насколько случайный человек может попасть в точку своими словами.

— Спасибо, Сидни. В честь моего дня рождения — составь мне компанию в этом «праздничном» балагане.

— Хорошо! — улыбаясь, ответила Сидни. Ее щеки пылали пунцовым румянцем.

Что ж, Хэнк, ты в очередной раз проявил недальновидность. Она явно мной заинтересовалась. Именно такая фраза промелькнула в моей голове на мгновение. Но ее без остатка стерла красота девушки, неподвластная осмыслению и анализу.

Глава 6

Эспуар

Невообразимым образом прогрессирующее по интенсивности общение с Сидни смыло пелену тоски, которая, казалось, стала неотъемлемой частью меня, наглухо пропитавшей и внутренности, и поверхность моего худосочного, бледного тела. Но, вероятно, это было ожидаемо: я впервые встретил настолько живого человека, в котором не было и тени уныния, способного находить хорошее почти во всем.

Наши свидания проходили в легкой, веселой атмосфере. Однако ее внезапные вопросы и темы, возникавшие будто невзначай, порой резко меняли ход разговора и даже выбивали меня из колеи. Она часто спрашивала о болезни, вероисповедании, интересовалась здоровьем моих родственников и приятелей, а также пыталась — насколько это возможно — узнать обо мне кучу, по моему мнению, совершенно незначительных мелочей: любимый цвет, фильм, хобби, имя первого питомца и тому подобные детали.

Исходя из этих моментов, становилось очевидно: Сидни относилась ко мне со всей серьезностью, присущей хоро-

шо воспитанной, прямолинейной двадцативосьмилетней девушке. Я же, окаменевший от примитивных взаимодействий с противоположным полом в прошлом, чаще всего сводившихся к схеме «познакомился – снял – переспал – испарился», не сразу вклинился в такой формат общения.

В целом я человек молчаливый: предпочитаю не рассказывать о себе многого, не лезть в голову собеседника и не позволять ему проникать в мою. Но данной чертой моего характера пришлось поступиться: уж слишком Сидни была хороша в искусстве развязывания языка. Мне не раз приходила мысль, что эта теплота, охватывающая меня во время наших разговоров, и есть не что иное, как любовь — к той самой, внезапно постучавшейся в заваленный проход к глубинам моего сердца, родственной душе.

Исходя из всего этого, спустя три месяца после нашего знакомства мы решили попробовать пожить вместе. Это быстрое решение не вызвало у меня ни страха, ни удивления. Я хотел видеть ее как можно чаще, прикасаться, целовать, радовать милыми, спонтанными мелочами, смешить — лишь бы услышать этот потрясающий, звонкий, «хрюкающий» смех.

И она... она явно делала меня лучше, счастливее. Я стал меньше тревожиться, переживать по пустякам. Депрессия, преследующая меня длительный период, казалось, сошла на нет. Мы с Сидни прекрасно дополняли и поддерживали друг друга, не давали грустить.

Я на всю жизнь запомнил момент, когда сказал, что люблю ее. Сидни так растерялась, что единственным ответом на мое признание стало короткое «спасибо». Это немного обидело меня, но в то же время рассмешило: слово прозвучало так мило и нелепо! Уже на следующий день она призналась, что чувствует то же самое.

Я не мог поверить в происходящее. Казалось, все это — сон или чья-то затянувшаяся шутка. Но мы с Сидни жили до безобразия гармонично: не ругались, а в спорных ситуациях находили конструктивный диалог, чтобы быстро и честно для обоих решить проблему. Характерно, что даже спустя два месяца после нашего съезда у нас так и не было секса. И это меня не тревожило — скорее наоборот. Ведь возведенное за годы моей жизни, давно заброшенное кладбище из девушек, с которыми мне «посчастливилось» переспать, блеском своих чистых безымянных надгробий лишь вгоняло меня в бесконечное уныние и размышления о том, стоило ли в принципе копать все эти могилы. Ведь в каждой из них в итоге я похоронил частицу себя. Сидни же я безумно уважал и любил, соответственно, не торопил события, ведь она говорила, что ей нужно время. Что-что, а ждать меня жизнь научила — и эти ожидания всецело оправдались.

Я не могу охарактеризовать наш первый секс как нечто страстное, дарящее бурю эмоций, какое-то незабываемое явление. Однако он был довольно чувственным, осторожным, схожим со спонтанным, еле осязуемым, легким порывом

прохладного, бодрящего ветра, предвещающим наступление всеразрушающего урагана. И буря пришла. Постепенно нас охватила необузданная страсть: мы не могли отпустить друг друга из объятий. Иногда они даже становились болезненными, но это только подогревало желание. Те животные ощущения — будто готов разорвать, съесть, поглотить своего партнера — поначалу настораживали меня, но вскоре они стали очередной частью нашего с Сидни довольно гармоничного, размеренного, счастливого быта.

Так продолжалось около шести месяцев. И в один из совершенно обычных, слегка морозных, дождливых весенних дней Сидни вдруг поинтересовалась:

— Знаешь, мы уже давно вместе, и у нас все хорошо, да?

— Не очень давно, на самом деле. Всего-то около одиннадцати месяцев, — иронично заметил я.

— Не спорь, дурак! — насупившись, ответила Сидни, сменив позицию «лежа» на кровати на «сидя». — Так вот... — продолжила она. — Мы давно вместе, и у нас все хорошо, поэтому... когда ты уже сделаешь мне предложение?

Этот вопрос был задан с явным намерением прощупать, в какой-то степени даже спровоцировать меня. Я это понимал. Но, видимо, Сидни не ожидала, что я и сам уже какое-то время размышлял о будущем.

— Знаешь, я не имею ничего против... Выходи за меня, Сидни!

Минутная пауза озарила наши однокомнатные, но при

этом просторные апартаменты. Сидни без зазрения совести прервала тишину:

— Я согласна!

Ни кольца, ни смокинга, ни соответствующей позы и обстановки во время предложения не наблюдалось. Однако в наших сердцах, как мне казалось, даже в воздухе вокруг присутствовало нечто гораздо большее. Что-то, что заставляет двух людей, несмотря ни на что, быть рядом друг с другом. Что-то, что побуждает молодого парня, вопреки страху и собственной безопасности, защитить то, что дорого. Что-то, что видишь в глазах ребенка, родители которого дружно, с улыбкой на лицах раскачивают его на качелях, аккуратно подталкивая друг к другу.

Именно это чувство подвигло меня в тот вечер сделать предложение, досконально не обдумав — что мне совершенно не свойственно — все возможные последствия принятия данного решения. Однако в той ситуации я предпочел действовать иррационально, опираясь на желания, а не на расчет. Ведь мне казалось, что в подобных делах это единственно верный путь.

Глава 7

Порог

— Мама, папа, знакомьтесь — мой будущий муж!

Слова, спонтанно сорвавшиеся с уст Сидни в один из теплых июльских вечеров, стали неожиданным, но радостным событием. Они прервали наше праздное чаепитие на террасе ее родительского особняка. Странно, что она решила объявить о нашей помолвке именно так — ведь миссис и мистер Райкер уже были знакомы со мной, пусть и заочно, и прекрасно понимали, к чему ведет наш союз. Это подтверждали и мои телефонные разговоры с ними — доброжелательные и теплые. Мы с Сидни, конечно, договаривались сделать из этого сюрприз, но ее фраза прозвучала уж слишком неуклюже. Видимо, бедняжка не нашла ничего лучше, чем представить меня в моей новой ипостаси именно так.

— Поздравляем вас, ребята, это прекрасная новость! — миссис Райкер не скрывала своей радости, все-таки ее единственный ребенок — привлекательная, хотя, по ее мнению, уже отнюдь не молодая девушка — решился на такой важный как для себя, так и для своей матери шаг. Да и я, на-

сколько мне казалось, производил на родителей Сидни исключительно положительное впечатление.

— Поздравляю, парень. Сидни — очень хорошая девочка! — с данной фразой вступил в разговор мистер Райкер, практически полностью лишенный волос мужчина.

Его лысина, казалось, была настолько гладкая, что на ней с успехом можно было бы провести финал «Кубка Стенли». А маленький нос-картошка и слегка выпуклые карие глаза, обрамленные глубокими морщинами, яростно намекали на его отнюдь не высокое и совсем не аристократическое происхождение.

— Когда и где думаете сыграть свадьбу? — обратившись с этим вопросом в мой адрес, мистер Райкер начал сурово сверлить меня своим морщинистым взглядом.

— Вы знаете, мы пока еще не решили, — быстро ответил я.

Покалывания кончиков пальцев ног, не проходящая дрожь по всему телу, ощущение затуманенности рассудка — все эти атрибуты последствий перелета, о которых предпочитают не упоминать авиакомпания в своих брошюрах, никак не покидали меня. Шесть часов в самолете... Ненавижу летать! У меня никогда не получается самостоятельно уснуть при перелете — спасает лишь снотворное, изрядную дозу которого каждый раз приходится в себя запихивать. А дерьмовое ощущение после посадки не отпускает вплоть до того момента, пока я не усну еще раз, но уже после рейса и само-

стоятельно. Ко всему прочему, в результате процедуры декомпрессии двух тазобедренных суставов с целью повышения их износостойкости мои бедра были армированы. И эти вкрученные в кости металлические спиральки каждый гребаный раз провоцируют писк стойки металлодетектора при досмотре. Хорошо, если проверяющий окажется адекватным и удовлетворится справкой от врача и рентгеновским снимком. Ведь если нет... Черт, как же я терпеть не могу авиаперелеты!

— Раз вы не решили, я возьму на себя смелость предложить отпраздновать свадьбу здесь, — перехватив инициативу, сказал мистер Райкер.

Конечно же, перспектива проведения церемонии в роскошном родовом имении, расположенном на десяти акрах земли, незначительно удаленной от бурлящей цивилизации, не могла не соблазнять меня. Хорошее, тихое место, проверенная прислуга, да еще и родители Сидни, которые наверняка покроют часть расходов. Сколь ни старался, я не мог найти в этом предложении минусов, однако необходимо было, что называется, держать марку.

— Благодарю за столь щедрое предложение, — ответил я. — Однако мне не хотелось бы доставлять вам с миссис Райкер неудобств.

— Что ты, милый, никаких неудобств нам с Джорджем ты не доставишь! — молниеносно отреагировавшая на мои слова миссис Райкер давала понять, что эта небольшая манипу-

ляция сработала. — Конечно же, мы поможем вам с подготовкой! Свадьбу отпразднуем в доме и на заднем дворе. У меня уже столько идей — нужно быстрее их все реализовать!

— Ох, Мэри... — саркастично, однако довольно мило пробурчал в ответ мистер Райкер.

Следующие два месяца испарились из моей жизни со скоростью мчащегося за напуганной антилопой гепарда. Бесконечные встречи с организаторами праздников, походы по свадебным салонам, выбор цвета салфеток, скатертей, столовых приборов, поиск музыкантов (миссис Райкер настояла на живой музыке) — все это было в значительной степени утомительно, но довольно весело. Ведь Сидни была рядом со мной. Постоянно «хрюкающе» смеялась, шутила, и, глядя на ее потрясающую улыбку, озаряющую серость этого мира, я чувствовал, как вся усталость будто магическим образом исчезала, незаметно растворяясь где-то в стороне.

С Сидни было хорошо, пугающе хорошо. Очень легко и весело. И если в моих предыдущих отношениях я постоянно врезался в стену, собранную из тщательно уложенной кирпичной кладки, состоящей из перманентной женской тоски, необоснованного уныния и безразличия, то сейчас заграждений не было вовсе — лишь дверь, распахнутая для меня в любое время дня и ночи. Однако я все чаще впадал в раздумья над тем, что бы такое мне хотелось подарить Сидни в день нашего бракосочетания. Это явно должно быть что-то особенное. К сожалению или счастью, я не смог придум-

мать ничего лучше, кроме как вновь прибегнуть к уже устанутой и отлаженной процедуре написания стихов. И вот в тот самый день во время нашей клятвы я посмотрел на мою Сидни и негромко, но уверенно произнес следующие слова:

Сейчас я не хочу быть многословным,

Ведь это не одна из лучших моих черт.

За ней — притворство лишь, желание быть удобным,

Но экстравертом стать не может интроверт.

Попробую все уместить в шестнадцать строчек

И передать нутра диапазон таким,

Каким он стал от той отправной точки,

Когда тем летом ты стояла у двери.

Казалось бы, приятная натура,

Звонящий голос, рассекающий покой...

Я сразу понял: ты — отнюдь не дура,

Хоть любишь притворяться таковой.

И с самого начала умиляла —

От молодости дерзкой я отвык.

Но трещину дало тоски моей забрало:

Я сразу, как мне кажется, к тебе чуть-чуть привык.

Конечно, я не знаю, чем все обернется,

Загадывать ведь разучился я давно.

С тобой я — настоящий... сердце чаще бьется,

Давай же не утратим, что обретено!

Слезы, градом покотившиеся из прекрасных глаз Сидни, конечно же, были совсем не тем, чего я хотел добиться. Но я прекрасно понимал, что подобную реакцию на все те сантименты, которые я преднамеренно развел, и стоило ожидать. К удивлению, многие из гостей поддержали мою уже жену в ее эмоциональном порыве. Плакали ее и моя мама, некоторые из немногочисленных родственников и друзей, приглашенных с моей стороны, и часть многочисленной толпы, собранной по большей части миссис Райкер. Даже жена Марти... что уж там — даже проныра Хэнк, как мне показалось, пустил слезу! Но все-таки был на этом празднике человек, не проронивший ни слезинки. Но что с меня взять? Я давно разучился проливать слезы над подобными вещами. Хотя, думаю, в данной ситуации мне стоило хотя бы постараться.

Сама церемония прошла ожидаемо заурядно, как и многие подобные празднества. Однако для меня и Сидни этот день... эта ночь — являлись особенными. Было ощущение, будто мы сблизились еще сильнее, почувствовали друг дру-

га глубже, чем когда-либо прежде. Хотя куда уж больше? Но голова Сидни, с аккуратно собранными в помпезную прическу волосами, лежавшая на моем плече, ее взгляд, устремленный на красочный, выпущенный в нашу честь салют, моя рука, сжимающая ее нежную, миниатюрную ручку — до сих пор флешбеками всплывают в моей памяти... Будто мы снова стоим с ней там — счастливые... и ничего из дальнейших событий не произошло.

Глава 8

Аберрация

— Постарайтесь, пожалуйста, насколько возможно, держать себя в руках, хорошо? Сейчас я зачитаю то, что вы мне рассказали, а вашей задачей будет дополнить вышесказанное, если вы что-то еще вспомните. Вы понимаете меня, Сидни? — слова детектива Грейсона, призывавшие мою жену успокоиться, не несли иного смысла, кроме соблюдения банальной полицейской формальности. Ведь выдать из себя хоть что-то, касающееся произошедшего, она смогла лишь после моего присоединения к ним в допросной, звериной дозы успокоительных и получасовых уговоров как с моей стороны, так и со стороны штатного психолога.

— Да... — едва сдерживая порыв разреветься, бегло ответила Сидни.

— Тогда позвольте мне начать сначала. Второго ноября, ориентировочно в половине девятого вечера, вы вместе с вашей коллегой, некой мисс Кембл, находились в ее съемной квартире на Блю-Лейк-авеню, верно?

— Да.

— Причиной вашего там присутствия послужил ее телефонный звонок с просьбой приехать, а также последующий рассказ о том, что с мисс Кембл расстался ее молодой человек, с которым она находилась в длительных отношениях, так?

— Да.

— Хорошо, вы большая молодец, продолжайте в том же духе, Сидни. По окончании диалога с мисс Кембл она предложила вам в компании еще двух подруг посетить ночной клуб «Миллениум», чтобы помочь ей развеяться и немного отвлечься от случившегося, верно?

— Да... — Сидни едва сдерживала слезы; ощущение надвигающегося эмоционального всплеска четко прослеживалось по увеличению силы сжатия ее ладони, находившейся в моей руке.

— Прекрасно, Сидни. Изначально вы не изъявили желания участвовать в этом спонтанном мероприятии, потому что хотели скорее вернуться домой к мужу, а также не имели подходящей одежды, верно? На что мисс Кембл предложила одолжить вам свое платье и туфли?

— Верно, — ее ладонь сжимала мою с неожиданной для столь нежного создания силой — создания, которому недавно пришлось не по своей воле столкнуться с грязью и жестокостью мира, прежде казавшегося чудесным.

— Хорошо, Сидни. Вы позвонили мужу, чтобы попросить у него совета. Он признался, что происходящее ему не по

душе, но все же возражать не станет, если вы действительно считаете, что ваша подруга нуждается в поддержке, верно? — детектив Грейсон посмотрел на меня. Он понимал всю горечь ситуации и, казалось, сожалел, что не в силах предотвратить случившееся. Это было заметно по его мрачному лицу и грустному взгляду ярко-голубых замученных глаз, наверняка повидавших за карьеру полицейского многое.

— Да, так и было, — на этот раз вместо Сидни ответил я, ведь чувствовал, что она находилась на грани. Детектив тоже это заметил и, поскольку вопрос касался меня, а точнее моего участия, слегка кивнул и продолжил допрос.

— Сидни, теперь я пробежусь по вашим показаниям до конца. Если захотите что-то изменить или добавить, можете остановить меня в любой момент.

— Хорошо, — безвольно сказала Сидни.

Мне на мгновение показалось, что еще немного — и я не сдержусь. Для любого другого человека это не стало бы неожиданностью, но я не пролил ни одной слезы вот уже как двенадцать лет. Это нарастающее, давно забытое ощущение кома в горле пугало меня.

— Так вот, Сидни, — детектив стал серьезнее. — После звонка мужу вы вместе с мисс Кембл вызвали такси и ориентировочно в двадцать два часа тридцать минут по местному времени выехали в сторону ночного клуба «Миллениум». По прибытии вы в компании двух подруг мисс Кембл, присоединившихся к вам, прошли фейс-контроль клуба и про-

следовали внутрь. По прошествии примерно получаса к вам подошли двое молодых обычных на вид парней, пытавшихся в легкой непринужденной форме завязать с вами знакомство. Получив прямой отказ, они в течение вечера периодически пытались возобновить беседу с вами, мисс Кембл и ее подругами. Чем дольше продолжался вечер, тем настойчивее становилось их внимание, и в какой-то момент вы заметили, что мисс Кембл и одна из ее подруг проявили ответный интерес к этим молодым людям. Около полуночи уже подвыпившие молодые люди, мисс Кембл и одна из ее подруг направились к выходу с целью поймать такси и уехать в дом одного из вышеуказанных парней. Понимая, к чему все идет, вы, как хорошая подруга, пытались отговорить мисс Кембл от этой затеи, которую считали большой ошибкой, однако ее намерения были непреклонны. Осознав всю серьезность ситуации, вы приняли решение поехать вместе с ними, чтобы уберечь вашу подругу от поступков, о которых она могла бы впоследствии пожалеть. Вторая подруга мисс Кембл тоже вызвала такси и уехала в неизвестном вам направлении, вероятно, к себе домой. Прибыв в загородный дом одного из молодых людей, вы вместе со всеми зашли внутрь и попытались уже в грубой, настойчивой форме уговорить мисс Кембл уехать. Из-за криков у вас охрип голос, вследствие чего один из молодых людей предложил вам стакан апельсинового сока. Изначально вы отказались, но из-за невозможности внятно, конструктивно вести диалог все же выпили напиток

и продолжили уговоры. Следующие пятнадцать минут, исходя из ваших показаний, вы помните смутно. Последнее, что осталось в вашей памяти из того дня, — это то, что окончательно убедившись, что подруга вас не слушает, вы вызвали такси, намереваясь поехать домой. Далее вы не можете вспомнить ничего, кроме того как проснулись в обнаженном виде: с левой рукой, прикованной наручниками к кровати, в компании также обнаженных двух вышеуказанных молодых людей, мисс Кембл и ее подруги. Пребывая в панике, вы пытались найти способ освободиться от наручников, но, чувствуя стыд из-за произошедшего, предпочли никого не будить. В панике вы пытались освободиться, но, испытывая стыд, никого не будили. Осмотревшись, на тумбочке вы нашли ключ, расстегнули наручники, оделись, вызвали такси и поехали домой. Там обо всем рассказали мужу и вместе прибыли в участок, чтобы дать показания. Все верно?

Сидни не могла ответить: слезы, ледяным градом хлынувшие из ее глаз, не давали ей даже вдохнуть, не то что заговорить. В этот момент психолог, все время находившийся в комнате, подошел к ней, присел рядом, взял за руку и принялся успокаивать.

Я же, будучи рядом с Сидни в этот момент — хотя рядом ли... — пребывал в отчаянии. С одной стороны — ужасное происшествие, которое навсегда разделит наши отношения на «до» и «после». С другой — ведь именно я дал согласие на поход в этот проклятый клуб! Конечно, я не мог знать,

чем все обернется, но подобные места и люди, что ищут там развлечений, всегда вызывали у меня непонимание, а порой и отвращение. И чему тут удивляться: в подобных заведениях публика сбрасывает маски цивилизованности — я видел это не раз.

Надо было настоять на ее возвращении домой... Черт, каков же идиот! Ты ведь знаешь природу человека, понимаешь суть таких мест, осознаешь предательскую, мерзкую натуру этих «подруг». Почему ты дал добро?! Ты так уважаешь ее желания, что готов идти навстречу даже в подобных ситуациях? Нет. Ты — слабак, не сумевший взять ответственность за девушку, доверившую тебе свою жизнь. Ты должен был быть умнее, предусмотреть все, сказать нет. Это ты разрешил ей пойти туда. Это ты виноват! Это... это я виноват.

По щеке, заросшей двухдневной щетиной, скользнула одинокая слеза. Все, на что мой конченый в своей бессердечности норов был способен. Все, чего бедняжка Сидни — моя милая Сидни — удостоилась.

Глава 9

Ренегат

— Прежде всего, хотелось бы обозначить, что мы допросили всех возможных свидетелей по делу, в том числе мисс Кембл, ее подруг и двух молодых людей, непосредственно замешанных в данной ситуации. После чего пришли к решению закрыть расследование по вашему заявлению.

Данная речь, произнесенная мистером Грейсоном без какого-либо намека на сочувствие к ситуации, в которой мы с Сидни оказались, не могла не вывести меня из себя.

— Подождите, то есть мы прождали две недели в полном неведении, и наконец-таки вы нас вызвали в участок, но лишь для того, чтобы сказать вот это? — моему возмущению не было предела.

— Понимаете, все складывается таким образом, что, исходя из показаний свидетелей, мы не можем прийти к выводу, что к совершению действий сексуального характера вашу жену кто бы то ни было принуждал.

— Что?! Стойте!.. — вспыхнул я.

— Не стоит горячиться. Давайте дослушаем то, что хочет

сказать нам господин Грейсон.

Слова юриста, нанятого мной по знакомству, еще больше меня накалили. Я понимал, что он уберегал меня от возможных неблагоприятных последствий такой резкой реакции. Но его холодность, неизменно проявляемая с первых минут нашего сотрудничества, начинала изрядно раздражать.

— Да, прошу вас, позвольте мне закончить. Я понимаю вашу боль и возмущение, поверьте. Но наша задача в подобных делах всегда принимать решение, основываясь лишь на фактах. А они состоят в том, что свидетели из ночного клуба, видевшие в тот день вашу жену в компании подруг, а также бармен, их обслуживавший, утверждают, что никакого навязчивого склонения к общению, в том числе упомянутых ранее попыток его прекратить, не было. Напротив, они говорят, что данное взаимодействие проходило на довольно легкой, дружелюбной ноте.

— Но как же... — Сидни негромко попыталась возразить детективу.

— Повторюсь, позвольте мне, пожалуйста, закончить, — урезонил полицейский, отводя взгляд в сторону. — Из показаний свидетелей следует, что мисс Кембл, две ее подруги и миссис Райкер (Сидни не поднимала вопрос о смене фамилии, а мне, если откровенно, было совершенно неважно, возьмет ли она мою) весело проводили время в обществе двух мужчин и затем той же компанией вышли из ночного клуба, вероятно, чтобы продолжить вечер в другом месте.

Далее я буду опираться на показания мисс Кембл и одной из ее подруг, которая, собственно, присутствовала с вами в коттедже одного из молодых людей.

Детектив бросил на Сидни беглый, довольно колкий взгляд. После чего, как мне показалось, уже сочувствующий на меня. Убедившись, что мы оба в состоянии адекватно воспринимать информацию, исходящую из его уст, укрытых слоем густых черных усов с редкими вкраплениями седины, напоминавших частичку ночного неба, расположившуюся прямо под его кривым, не раз перебитым носом, полицейский продолжил.

— Около часа ночи вы подъехали к дому одного из молодых людей. По показаниям, вы действительно пытались отговорить мисс Кембл от ночевки и вызвали такси, но затем отменили его. Это подтверждают свидетельские показания и запись телефонного разговора, из которой видно, что вы действовали в здравом рассудке.

Я посмотрел в сторону Сидни. Она опустила взгляд на пол. Было видно, что еще чуть-чуть, и бедняжка снова расплачется; так происходило с регулярной периодичностью на протяжении последнего времени.

— Я не буду вдаваться в подробности далее. При желании вы или ваш адвокат можете сами прочитать протокол, — детектив привстал со стула, намереваясь передать мне стопку бумаг, однако жестом я дал понять, что не хочу читать то, что там написано.

— Будьте добры, предоставьте документы мне, — в разговор вновь вступил мистер Дуглас.

Этот пухлый, вылизанный от головы до пят щегол не понравился мне с первого взгляда. Но Хэнк уверял, что он прекрасный специалист, и я решил не судить о книге по обложке. Между тем детектив продолжил:

— Из показаний мисс Кембл, ее подруг и двух молодых людей следует, что миссис Райкер не была никем принуждена к действиям сексуального характера и что все последующие события происходили исходя из ее доброй воли...

— Стойте! — не выдержал я. — Сидни не могла! Очевидно, что ей что-то подмешал в сок один из этих сучьих ублюдков... — адвокат похлопал меня по плечу и, плавно опустив ладонь вниз, дал понять, что стоит поумерить пыл.

— Прервитесь, пока вам не «посчастливилось» напороться на иск по поводу диффамации, — пригрозил мне Грейсон. — Показания всех свидетелей практически идентичны. Также сразу после появления в участке неделю назад ваша жена была направлена на медицинскую экспертизу, которая установила, что на момент описываемых событий она находилась в состоянии легкого алкогольного опьянения, не оказавшего существенного влияния на способность принимать решения. Кроме того, был зафиксирован факт непосредственной интимной близости миссис Райкер с двумя молодыми людьми и отсутствие в ее крови каких бы то ни было наркотических или психотропных веществ.

— Так, может быть, они уже вывелись из организма к моменту анализа! — выкрикнул я в последней надежде уцепиться хоть за какой-то, пусть и малейший, приемлемый для меня исход этой во всех смыслах мерзкой ситуации. Но детектив безжалостно разрушил мое упрямое сопротивление.

— Я понимаю ваше стремление защитить честь и достоинство жены. Однако экспертная лаборатория установила отсутствие наркотических веществ в анализах миссис Райкер. Чтобы исключить сомнения, я лично проконсультировался с нашим специалистом по вопросу сроков их выведения. Его ответ был однозначен: даже вещества группы лизергамидов высокой чистоты, которые распадаются быстрее других, выводятся из организма не менее чем за сорок восемь часов. Мне жаль, миссис Райкер, но оснований для продолжения расследования по вашему делу больше нет.

Я посмотрел на Сидни. Согнувшись в кресле, она уткнула взгляд в большие серые шестиугольники керамической плитки, которыми, будто пчелиными сотами, был усеян пол. Слезы водопадом лились из ее глаз. При этом Сидни оставалась удручающе тихой, словно поглощенная самой тишиной. Лишь легкие всхлипы, изредка доносящиеся со стороны моей жены, подавали слабые признаки ее присутствия в комнате.

— Господин Грейсон, прошу вас предоставить мне все доступные материалы по делу. Я свяжусь с вами в случае возникновения каких-либо вопросов, — фраза, произнесенная

мистером Дугласом, источала одну лишь формальность.

— Конечно. Уверен, никаких вопросов у вас не возникнет, но все же...

— Почему... Почему вы не верите мне? — слова Сидни, произнесенные с невероятным усилием, словно тупым ножом пытавшиеся разрезать зачерствевшую несправедливость и бессердечность этого мира, оказались лишь безуспешной, отчаянной попыткой добиться от детектива, адвоката и, быть может, даже от меня хоть какой-то поддержки и сочувствия. Ведь она так нуждалась в них в тот момент.

После непродолжительной паузы, показавшейся вечностью, Оливер Грейсон начал говорить:

— Прошу прощения, Сидни. Подпишите, пожалуйста, вот эти бумаги и можете идти. Не смею вас больше задерживать.

Я мысленно поблагодарил детектива за прерывание этой нависшей тишины — ведь любое слово казалось лишним.

Наш адвокат пробежался по формулировкам предоставленных документов и, отметив, что они носят лишь протокольный характер, дал добро на подпись.

Тридцатиминутная тревожная дорога до дома, казалось, окончательно выжала из меня все оставшиеся в тот день силы. Я разрушал себя мыслями о многом: неужели Сидни действительно предала меня? Почему детектив был так холоден по отношению к ней? Возможно, он что-то не договаривает? Почему я не прочел протокол? По какой причине юрист не

проявляет интереса к защите — он не видит смысла браться за это дело? Как мы будем жить с Сидни дальше после всего этого? Может, стоит нанять адвоката подороже и уговорить Сидни подключить связи родителей, чтобы все-таки добиться проведения судебного процесса... добиться справедливости?

Стоп. Давай наконец-таки рассуждать здраво: свидетели дали идентичные показания — это возможно лишь в трех случаях: их всех подкупили, они совершили преступный сговор, либо сказанное ими действительно является правдой. Исходя из этого, вопрос о достоверности их показаний отходит на второй план. Первым делом необходимо спокойно, рассудительно определить для себя, верю ли я словам Сидни.

Я уже не раз думал над этим — и да, я верю ей. Ха, смешно: за эти дни я не то что ни разу не был в состоянии непринужденно прикоснуться к ней, я даже посмотреть на нее любящим, как раньше, взглядом не смог. Как это ни омерзительно, но последнюю неделю Сидни вызывала у меня лишь презрение, разочарование и отвращение.

Значит, все же я ей не верю, ведь тот добрый, наивный четырнадцатилетний парень, лежавший в больнице в объятиях смертельной болезни, отчетливо показал мне: предать, обмануть может любой человек, даже самый близкий.

Но все-таки сложно поверить, что Сидни могла совершить нечто подобное. Ведь она далеко не глупа. И, если отбросить всю эту вонючую лирику и взглянуть на вещи трезво, можно

понять: даже если и допустить ее предательство, то оно точно не было бы совершено столь топорным, очевидно идиотским образом. Она не стала бы нарочно подставлять ни себя, ни свою семью под порицание и грязные слухи — слишком высоки были бы репутационные потери.

Ладно, с этим определились. Но, возможно, я чего-то банально не знаю, ведь расследование явно не было проведено как следует. Либо, исходя из всей этой ситуации, я не нашел для себя ничего лучше, чем заниматься самообманом и придумывать недостающие детали. Определенно нужно будет прочесть протокол, как бы ни было тяжело, хотя бы ради здоровой интерпретации общей картины произошедшего. Надо постараться, насколько это возможно, поддержать Сидни: за два года нашего знакомства она ни разу не дала ни малейшего повода усомниться в своей верности — и хотя бы это стоит ценить.

Кстати, мистер и миссис Райкер... Они ведь до сих пор ничего не знают. Сидни попросила не ставить их в известность — конечно же, из-за стыда. Да и информация об этом происшествии, как бы они ни старались ее скрыть, рано или поздно просочилась бы в свет и стала предметом пересудов.

Не то чтобы родители Сидни не умели держать язык за зубами — скорее их положение в обществе само по себе предполагало бы обнародование этих сведений: в одной из светских бесед за бокалом бренди или через прислугу, которая любит подслушивать чужие разговоры. Значит, вариант с их

помощью отпадает. Либо же, возможно, мне все-таки удастся убедить Сидни обсудить все это с ними. В конце концов, изначально хорошо бы самому наконец-то пообщаться с ней по душам.

И как только я собирался завести волнующую для меня беседу, Сидни сама прервала образовавшуюся между нами гнетущую тишину.

— Знаешь, милый, я думаю, что мне стоит какое-то время пожить у родителей... — глядя совершенно пустым взглядом на пролегающую впереди дорогу, сказала она. — Мне кажется, так будет лучше для нас обоих на данный момент.

Зачем, Сидни? Почему ты предлагаешь разъехаться? Я же вижу, как тебе тяжело. Ты хочешь убежать, чтобы отгородиться от всего этого, или просто уйти от меня? Я понимаю, что тебе нелегко, но ты же видишь, что мне тоже больно. Я хочу быть с тобой, я хочу тебе верить. Да, сейчас это очень сложно, но можно хотя бы постараться. Однако... может быть, я сумею обратить твое желание в нашу общую пользу.

— Сидни, скажи мне, пожалуйста, честно: чувствуешь ли ты себя счастливой рядом со мной?

— Мне нужно немного подумать... — она замялась и опустила взгляд. — Знаешь, на данный момент, пожалуй, больше нет, чем да. Но не принимай это, пожалуйста, на свой счет, милый. Я люблю тебя, хоть мне и тяжело сейчас это говорить. Я чувствую себя ужасно из-за того, что втянула нас

во все это. Я хочу уехать подальше, отдохнуть. Мне противны эти дома. Эти разговоры. Эти люди... Не хочу ходить на работу, общаться с коллегами, видаться с друзьями. Не хочу иметь ничего общего со всем тем, что напоминало бы мне ту ужасную ночь.

Ее слова не стали для меня откровением. Думаю, желание исчезнуть, скрыться от навалившихся проблем — это первое, что приходит в голову человеку в подобной ситуации. Тем более что у нее есть куда бежать.

— Сидни, мне бы не хотелось отпускать тебя одну, куда бы то ни было в таком состоянии. Давай поедем к твоим родителям вместе. Возьмем отпуск на работе. Я обо всем договорюсь с Бобом. Ты знаешь его отношение ко мне — он не сможет отказать. Отдохнем от всего этого какое-то время, постараемся отвлечься, а потом уже подумаем, что нам делать дальше. Ты согласна? — конечно же, я рассчитывал на положительный ответ, ведь заранее просчитал, что должно последовать после такой моей речи. И я не ошибся.

— Думаю, что да, — ответила она почти бесчувственно, все еще не поднимая взгляд. Правильно будет пережить случившееся вместе.

— Сидни, честно, я не хочу тебя никуда отпускать. Ты права, мы должны пройти через все это вместе. Я однозначно не опущу руки: детектив явно что-то недоговаривает, да и выглядит все это очень странно. Он не называл никаких имен, кроме тех, которые мы и так знаем. И это большое ко-

личество свидетелей, которые так удобно «все видели». Вызов в участок только для того, чтобы сказать нам, что расследование закрыто, и чтобы ты подписала какие-то протоколы. А ведь в приступе злости я даже не подумал о том, чтобы прочесть документы, которые тебе подсунули. Ты запомнила, что в них было? — ведь действительно, исходя из моей природной прагматичности странно, что я не ознакомился с бумагами.

— Я не помню точно... Что-то про отсутствие претензий к следствию и еще всякое, — посмотрев на меня и слегка улыбнувшись, ответила Сидни. Я уловил нотку фальши в ее улыбке: скорее всего, она прекрасно знала, что именно подписывала, но я не подал вида. — Извини, я не помню... Ладно, раз уж мы все решили, то предлагаю не затягивать: по возвращении домой я соберу вещи, и на первом же самолете мы отправимся к родителям.

Оставшийся путь до дома мы больше не разговаривали. Сидни быстро собрала все необходимое, что сильно меня удивило, ведь весь наш багаж уместился в пару походных рюкзаков. На следующий день, когда я уладил все формальности по поводу отпуска (Боб даже не стал вдаваться в подробности и лишь пожелал нам хорошего отдыха), мы отправились в аэропорт.

Глядя на Сидни, я почувствовал отрадное облегчение: она уже не выглядела столь подавленной, какой была вчера. Кажалось, она рассчитывает, если не на понимание, то хотя бы

на тот прекрасный прилив родительской любви и заботы, который ждет ее после посадки. Мистер и миссис Райкер, что неудивительно, были слегка удивлены нашему спонтанному порыву навестить их, но вовсе не возражали против возможности увидеться с любимой дочерью и ее мужем.

Перелет прошел, как всегда, мучительно, что вылилось в мой скорый отход ко сну после приезда. Сидни присоединилась ко мне не сразу. Оставшись в просторной гостиной, она долго, с заметным облегчением разговаривала с родителями.

Глава 10

Трассировка

Следующие несколько дней для меня прошли забыто обычно и непривычно легко. Оно и неудивительно: природа, прислуга, крепкий здоровый сон творят чудеса. Сидни, как мне показалось, тоже почувствовала облегчение: она уже несколько дней не плакала, а иногда даже улыбалась. Однако мысль «почему я не прочитал протокол?» все же тревожила меня. Я был слишком взбешен и опрометчив, нужно было подходить к той беседе в участке с холодной головой. Но можно ли было это осуществить? Этого я уже не узнаю. Но одно я знал точно: необходимо прочесть протокол и ознакомиться со всеми доступными материалами по делу.

Сославшись на неотложные рабочие дела, я попрощался с Сидни, мистером и миссис Райкер и отправился туда, где находится в тот момент желал менее всего. Да, решение вновь окунуться в кучу собачьего дерьма было осознанным, хоть и сопровождалось моим нежеланием и постоянными внутренними торгами. Однако это было необходимо, несмотря на то что покидать Сидни мне не хотелось. Все-таки эти два дня,

проведенные нами в поместье четы Райкер, как мне казалось, оказали самое положительное воздействие на ее эмоциональное и физическое состояние. Но сидеть и ждать окончательного возвращения Сидни к прежнему состоянию (к прежнему... конечно же, это было уже невозможно, хоть я всеми способами убеждал себя в обратном) я не мог. Нужно как можно скорее добраться до бумаг. Почему-то меня не покидала мысль, будто они со дня на день могут магическим образом исчезнуть.

Я решил не сообщать Сидни об истинных мотивах моего скоропалительного отъезда, справедливо посчитав, что они вызовут у нее лишь ненужный прилив негативных воспоминаний. В памяти все еще всплывает ее едва заметное, ласковое движение в мою сторону в момент расставания. Конечно, я понимал, что она хотела поцеловать меня на прощание, но сделал вид, будто не заметил этот ее еле ощутимый порыв. В тот момент я просто не мог себя пересилить.

Прости, Сидни. Мне нужно было еще немного времени.

Снова аэропорт, тяжелый перелет, паршивое состояние и соответствующий ему внешний вид. Но времени на отдых у меня не было. Нужно было сразу же ехать в участок, вызвать детектива Грейсона и получить доступ к бумагам.

Изначально я связался по этому вопросу с господином Дугласом. Но тот, прочитав протокол, заявил о его полной легитимности. Сказал, что с материалами по делу можно ознакомиться только в полицейском участке, а сам он больше не

имеет с нами никаких деловых отношений. После чего горе-юрист пожелал мне удачи, пообещал выслать счет за услуги до конца недели и попрощался. Чертова ленивая крыса! Хэнк еще отхватит от меня за рекомендацию этого шарлатана!

Детектив же, напротив, встретил меня на удивление приветливо: легким, одобрительным похлопыванием по плечу. Очертив путь до своего кабинета, он дал понять, будто прекрасно осознавал — наша прошлая встреча не была последней. Выдвинув один из ящиков массивного дубового стола и покопавшись в нем, Грейсон достал кипу бумаг, скрепленных двумя зажимами. Пододвинув документы ко мне, он сказал:

— Уверяю вас, решение вернуться сюда правильное, хоть понимаю: оно далось вам нелегко. В вашем распоряжении столько времени, сколько потребуется. После того как ознакомьтесь с материалами, найдите меня в холле. В случае если меня там не будет, обратитесь за помощью к секретарю. Она поможет с поиском, — после сказанного детектив растворился за дверью, оставив меня наедине с волнующими ожиданиями, изрядно приправленными обоснованным обывательским любопытством. Я не стал им противиться и немедленно приступил к скрупулезному изучению материалов.

«...Находившись в приподнятом расположении духа, данная особа заказала вторую «Отвертку», после чего принялась что-то активно обсуждать в компании трех молодых де-

вушек и двух парней...» — как я понимаю, эта запись составлена по показаниям бармена. Ничего информативного я в ней не найду. Поищем дальше.

«...Сидни казалась мне совсем не пьяной. На самом деле она практически и не пила в тот вечер. Что неудивительно: у нее не было желания там находиться, я спонтанно затащила ее в клуб...» — а это, как я понимаю, слова Джуди Кембл. Сучья Джуди и ее поганый трахаль! Не могли разобраться сами? Нет же, нужно втягивать всех подряд в свои конченные отношения. Если бы не эта сука, ничего бы не случилось! Ладно, надо успокоиться. Она не могла предугадать, чем все закончится. Но факт остается фактом: Сидни не умеет выбирать подруг.

Так, а вот это уже интересно: «...В тот вечер мы с другом заметили компанию симпатичных девушек. Первые попытки познакомиться не возымели эффекта, но мой друг был настроен решительно: уж очень ему приглянулась одна из них, имени которой я, к сожалению, не запомнил. Она была блондинкой, довольно симпатичной...» — речь явно не о Сидни или Джуди. Значит, об одной из ее подруг.

«...После его неоднократных попыток познакомиться эта девушка все же сдалась, и мы продолжили проводить время одной компанией. Девушки показались нам веселыми, располагающими к более приватному времяпровождению...» — боже, как же мерзко это читать... Соберись. Ты ведь не можешь повлиять на прошлое. Сейчас есть лишь возмож-

ность попытаться воздать всем по справедливости. Закончивай ныть и читай.

«...После нашего приезда в особняк моего друга, как мне казалось, все прекрасно понимали, что произойдет дальше. Мы еще какое-то время поговорили с девушками, одна из них в какой-то момент заказала такси, я предполагаю, с целью уехать. Она была самой застенчивой. Возможно, засомневалась, ведь мы видели кольцо на ее безымянном пальце. Но моему другу все же удалось убедить ее остаться...» — черт, я не смогу дочитать! Это выше моих сил... Но... «с целью уехать», «удалось убедить» — в этих формулировках что-то не сходится. Ведь если бы все было добровольно, мы с Сидни не оказались бы в этом сраном участке. Успокойся. Дочитай. Быть может, ты упускаешь что-то важное.

«...На следующее утро, не обнаружив этой девушки в доме, нами был сделан вывод, что она поспешила уехать, чтобы не подставляться перед мужем. Остальные девушки тоже не задержались надолго. Немного пообщавшись с нами, они вызвали такси, после чего мы их больше не видели...» — нет, все выглядит подозрительно гладко. Ясно видно, что показания были подготовлены после консультации, возможно, самим юристом тех ублюдков.

Помимо речей участников этого мерзкого действия, я нашел медицинскую экспертизу, расшифровку событий по времени и лист с личными данными Сидни. Но никакой информации об остальных участниках — ни имен, ни адресов,

ни контактов — не было. Видимо, детектив не мог или не хотел раскрывать все. Черт, все-таки я дилетант в юриспруденции. Нужно уговорить Сидни обсудить эту ситуацию с ее родителями и нанять наконец хорошего адвоката. Однако даже меня, обывателя, довольно сильно удивил один нюанс: почему здесь нет показаний второго мудака? Его вообще допрашивали? Или их скрывают намеренно? Нужно это выяснить.

Выйдя из кабинета детектива, я осмотрел холл полицейского участка. Не найдя Грейсона среди остальных служителей правопорядка, обратился за помощью к секретарю. Та была довольно приветлива. Оперативно набрав какой-то номер, она попросила меня снова пройти в кабинет детектива и немного подождать. Минут через десять Оливер Грейсон уже сидел в своем кресле цвета гнилого картофеля, явно озабоченный моим интересом к делу. Он компетентно отвечал на все вопросы, но когда я спросил о причине отсутствия показаний второго подонка, детектив сказал следующее:

— Поймите меня правильно: я сделал все, что было в моих силах. Я изучил улики, допросил свидетелей, просмотрел записи камер. Да, в этом деле есть неопределенности, которые и меня не отпускают. Но факт остается фактом: ваша жена находилась в адекватном состоянии во время своих действий. Ни алкоголь, ни наркотики, ни насилие здесь не фигурируют — медицинская экспертиза исключила такие варианты. Вы должны понимать: возможность ознакомиться с этими бумагами — уже жест доброй воли. Мое мнение та-

ково: лучший выход для вас — смириться и постараться отпустить ситуацию. Конечно, вы вправе обжаловать решение, но шансы на успех минимальны.

Детектив сознательно обошел мой вопрос. Но его откровенная речь все же выбила меня из равновесия: в ней ощущалась искренность и сопереживание, что не могло не подкупать. Но все же я не верил в то, что Сидни способна со мной так поступить.

После нашей с детективом беседы я окончательно убедился в необходимости разговора с мистером и миссис Райкер, ведь Грейсон буквально прямым текстом указал на обилие нестыковок, разобраться с которыми, как мне казалось, вполне по силам грамотному специалисту. Осознав бессмысленность дальнейшей беседы, сославшись на неважное самочувствие, я поспешил попрощаться с детективом. Я был благодарен ему за встречу и сделанные выводы. Однако, что неудивительно, я оказался совершенно выжат. Мне необходимо было отдохнуть.

Боже, это был тяжелый день. Мандраж после перелета все еще не отпускал, исходя из чего единственным моим желанием было поскорей отправиться в царство Морфея за своей вполне заслуженной дозой мелатонина. Приехав домой, я первым делом позвонил Сидни. Три предпринятые попытки до нее дозвониться не увенчались успехом, что вызвало мое сильное беспокойство. Вследствие этого я принял решение позвонить миссис Райкер. Хотел убедиться, что с бедняжкой

Сидни все хорошо.

— Здравствуйте, миссис Райкер. Сидни почему-то не берет трубку. Подскажите, пожалуйста, с ней все нормально?

— Здравствуй, мой мальчик! Сидни сегодня практически не выходила из комнаты, наверно, скучает. Она не так давно перекусила и сказала, что пойдет готовиться ко сну.

— Понял вас, миссис Райкер. Если перед сном еще раз увидите Сидни, передайте ей от меня, пожалуйста, доброй ночи.

— Конечно, я все передам, мой мальчик! И кстати, я, кажется, уже говорила тебе, что меня бы очень порадовало, если бы ты начал называть меня мамой.

— Хорошо, мама. Спасибо и доброй ночи вам, — чрезмерная сентиментальность миссис Райкер зачастую была для меня утомительной.

Мой самолет отбывал в шесть утра, поэтому после разговора я сразу лег в кровать. Сидни так и не перезвонила. Возможно, устала за день. Бедняжка... пусть отдыхает.

Глава 11

Нулевая миля

Тяжелое пробуждение, душ, сэндвич с тунцом на уж слишком ранний завтрак, проверка багажа, ожидание такси, чертова машина, как всегда, опаздывает, раздражение, наконец-таки она приехала, дорога в аэропорт, контроль багажа, посадка, очередной дерьмовый перелет. Я практически не помню пронесшиеся сквозь меня диафильмом события начала того дня. Вспоминается лишь уже ставший до боли привычным мандраж после посадки. Чашка отвратительного эспрессо, купленного мной за три пятьдесят в аэропорту. Необычно прохладная, как для начала сентября, унылая, дождливая погода. Выбор наиболее приглянувшегося мне экипажа такси, которыми, будто множеством иволог, сидящих на линии проводов, была облеплена прилегающая к аэропорту парковочная линия, и показавшаяся мне необыкновенно долгой дорога к поместью. Странно, мистер Райкер обычно заблаговременно посылал своего водителя встретить меня. Он дал ему какое-то другое поручение, из-за этого тот не смог приехать? Или, быть может, Джордж забыл преду-

предить его насчет меня? Тогда я не придал этому особого значения. Я лишь хотел как можно быстрее добраться до особняка.

Вчерашний ночной звонок от Сидни оставался неотвеченным. Все-таки она перезвонила довольно поздно, я уже спал. Ладно, Сидни же знает, что без слухового аппарата, который я снимаю перед сном, мне никак не услышать вызов. Да и перезванивать ей после пробуждения не имело особого смысла, зачем будить ее в такую рань?

После выхода из самолета я обнаружил, что мой телефон предательски сел. А зарядное устройство, забытое мной в ящике стола, лишний раз напоминало о моей уже изрядно надоевшей природной невнимательности. Хорошо я проверил багаж, ничего не скажешь! Ладно, мы уже скоро прибудем на место назначения, тогда и поговорю с ней. Насколько я помню, их повар готовит яблочный пирог на ужин по четвергам. Неплохо, наемся сегодня до отвала. Хоть чем-то скрашу этот тусклый день.

Хорошо, мы уже подъезжаем... Но что это за суета возле особняка? Какие-то машины, человеческие силуэты... Отсюда не разглядеть, нужно подъехать поближе... Стоп. Полиция, карета скорой помощи? Что... что произошло? Кому-то стало плохо? Их пытались ограбить? Нет-нет-нет... этого не может быть!

Я приказал остановить машину и бросил таксисту первые купюры, что попались под руку. Как я обнаружил после, он

отработал этот заказ по тройному тарифу, но это не волновало меня. Я думал... я боялся. Я не хотел, чтобы это было тем, о чем, будто черными воронами, мне кричали абсолютно все голоса, звон которых зловещим эхом доносился из глубин моего подсознания. Она не могла. Нет! Все же только-только стало налаживаться. Почему я не перезвонил ей?!

Слишком медленно, нужно идти быстрее. Со стороны наверняка забавно было наблюдать жалкие попытки побежать человека, движения которого само искалеченное тело, пусть и не по его воле, ограничивало. Но все, на что я тогда был способен, — это лишь моторное, словно движимое лишь сердцем, хромоте, спешное ковыляние в сторону приоткрытой двери особняка. Я не замечал никого вокруг. Мне надо было спешить, я должен был узнать, мне нужно было увидеть, что там произошло. Ведь надежда все еще есть, она все еще не угасла, возможно... возможно, я ошибаюсь! Сидни... Сидни, не нужно! Будь жива, умоляю, я не вынесу этого! Сидни, не уходи, не покидай меня! Ты просто не можешь! Сид...

Пепельно-серой, бездыханной, но все еще необыкновенно прекрасной фарфоровой куклой Сидни лежала на огромном диване, расположенном по центру холла особняка. Слезы, невольно стекавшие из глаз миссис Райкер во время допроса полицейского, а также более бледная, нежели обычно, гладкая кожа Сидни, не оставляли мне и шанса на положительный исход. Я все понял еще в такси, но мог ли я себе

в этом откровенно признаться? Конечно же, нет. Ведь еще позавчера она наконец начала хоть что-то есть. На ее лице изредка появлялась улыбка. Иногда она даже разговаривала так, как раньше. Видимо, я что-то не увидел, наверно, я что-то упустил... нет, ты и не пытался взглянуть, ублюдок! Ты так ни разу и не смог заставить себя прикоснуться к ней с момента вашего первого похода в полицейский участок! Какая, к черту, поддержка, сочувствие, любовь? Ты даже не мог терпеть ее присутствие рядом! Сам факт, что ее поимело двое мужчин, настолько претил тебе, что было уже неважно, совершилось это с ее согласия или же нет. Ты не хотел смотреть на нее. Ее вид был тебе отвратителен! Ты... ты сам, ты уже тогда... Я сам... я уже тогда убил ее.

Нахлынувшие мысли разрывали меня. Я все никак не мог отвести взгляд от безжизненного тела моей Сидни. Я смотрел на него, пытаясь сдержать истерику... Что, ничтожество, теперь-то ты можешь на нее посмотреть?! Удушающее, затрудненное, тяжелое дыхание, сердце колотит как отбойный молоток... Черт, паническая атака! Ха, а я уж думал, что окончательно избавился от них. Дыши, сука, глубоко дыши! Только твоих припадков здесь не хватало. Заприметив всецело накрывающее меня состояние надвигающегося пароксизма, ко мне оперативно подошел один из приехавших членов бригады скорой помощи. Он проводил меня до кресла, предложил медицинскую помощь, а после моего от нее отказа принес стакан воды, посоветовал глубоко, медленно ды-

шать и периодически мелкими глотками пить.

После того, как мне удалось успокоиться, я стал узнавать, что произошло. Как оказалось, утром Сидни еще была жива, однако отказалась выходить из своей комнаты на завтрак, сославшись на плохое самочувствие. Она сказала, что попытается еще немного поспать и попросила разбудить ее, если она сама не проснется до полудня. После безуспешных получасовых попыток до нее достучаться мистер Райкер выломал дверь. К тому моменту она уже два часа как была мертва. Подоспевшая через двадцать минут бригада скорой была не в силах ничего сделать. Она наглоталась собственных антидепрессантов. Боже, я ведь сам покупал их в той аптеке на углу Девятой и Седьмой! Сидни... Зачем же ты так с собой?! Нет... это все я. Я не дал ей тепла, заботы, защиты. Я должен был что-то сделать. Боже, да я просто сраный предатель!

Я слабо помню последующие разговоры с полицией, мистером и миссис Райкер, с прислугой. Ведь по большому счету это был лишь горький коктейль из слез, перемешанный в равных пропорциях с безысходностью, которым мы без стеснения угощали друг друга, доводя каждого из нас до крайней степени опьяняющего состояния отчаяния. Они сказали, что уже ничего нельзя было сделать, что по их просьбе Сидни перенесли из спальни в холл, что она всегда хотела, чтобы после смерти ее кремировали... Большое спасибо за информацию, как будто это имело хоть какое-то значение! Еще я помню давящую головную боль, таблетку снотворно-

го, которую я проглотил, взгляд на мою любимую, лежащую на диване, которой больше нет со мной, и свой скорый отход ко сну. Мне тогда показалось, что уснул я буквально сразу же после того, как мочка моего уха прислонилась к подушке.

Глава 12

Горесть

Что, солнце? Почему здесь так жарко? Где я вообще? Потрескавшаяся от засухи земля... Что это за давящее изнутри, уничтожающее, изнуряющее чувство полного одиночества? Солнце... Как же жарко. Облака, опоясывающие его, подобно двум массивным ладоням сомкнулись снизу. Ты хочешь дать мне его? Ты подаришь мне солнце? Ты вернешь мое солнце? Нет, стой, не покидай меня. Я не хочу уходить! Нет... остановись, подожди!

В холодном поту я резко открыл глаза. Тяжелое дыхание, вырывавшееся из моего рта, лишь усиливало напряжение. Что это за странный сон? Давненько мне не снилось ничего подобного. Хотя неудивительно, ведь там, на первом этаже особняка, лежало бездыханное тело моей любимой. Боже, она действительно покончила с собой! Был ли я в силах повлиять на что-то? Было ли ее желание спонтанным? Сидни, сколько же у меня к тебе вопросов, на которые, увы, ответы уже не получить... Не нужно было заходить так далеко, Сидни. Неважно, что было бы со мной, что было бы с нами.

Даже если бы мы не смогли с этим справиться, ты все равно должна была жить дальше и радовать этот мир своим жизнерадостным, «хрюкающим» смехом... Какой же ты идиот! Лежишь, рассуждаешь о ее желаниях, возможностях. Ну конечно, теперь ты думаешь о ней. Теперь тебе важно, что она чувствовала, о чем она мыслила, чего она хотела. Сволочь, ты не уберег ее, ты не смог сохранить, вероятно, лучшее, что было в твоей жалкой жизни! А теперь жалеешь себя, давай, тебе же это так нравится, верно? Это же так просто и приятно, не правда ли? Ты ведь жертва, ты с самого рождения жертва. И все вокруг всегда должны входить в твое сраное положение: человек, сломленный непреодолимыми, несправедливыми жизненными обстоятельствами. Хорошо звучит, не так ли, ничтожество? Давай, продолжай себя ненавидеть, давай... Тупой отзвук, словно вдребезги разлетелось стекло, доносившийся с первого этажа особняка, прервал мою внутреннюю уничижительную беседу с самим собой. Странно, что я вообще его услышал, учитывая мою приобретенную глухоту. Ах да, я же уснул, не сняв слуховой аппарат. Конечно, мне было не до того. Еще один такой звук... да что там происходит?!

Решив проверить, все ли в порядке снизу, я осторожно начал спускаться по лестнице. Мои глаза резал яркий свет, горящий в гостиной. В связи с этим я сделал вывод, что звуки доносились именно оттуда. Аккуратно приблизившись к открытым массивным двустворчатым дверям, олицетворяю-

щим вход в обеденную зону особняка, я уже хотел было заглянуть сквозь них в комнату. Но резкий, истеричный выкрик миссис Райкер меня остановил.

— А что, по-твоему, я должна была сказать ей, Джордж?! Я совершенно не так воспитывала нашу дочь! Мы с тобой дали ей все: роскошную жизнь, образование, устроили ее в хорошую компанию, принадлежащую друзьям нашей семьи. Даже когда она привела в дом этого безродного оборванца, мы и слова против не сказали, лишь попросили ее оставить нашу фамилию! Устроили ей шикарную свадьбу, между прочим, за наш счет! А что она?! Она вот этим решила отплатить нам за хорошее отношение?! Это же позор, Джордж, это же стыд! Наша дочь, Сидни Райкер — шлюха!

— Мэри! — необыкновенно грозно рявкнул на нее мистер Райкер. — Замолчи ты уже, наконец! На твои вопли сейчас сбежится весь дом!

— Не затыкай меня, Джордж! Прислуга давно спит в гостевом домике. А этот калека не способен услышать даже разорвавшийся под его ногами снаряд!

— Прекрати немедленно, Мэри, ты вообще себя слышишь?! То, что ты говоришь сейчас, это просто отвратительно. Она же наша дочь! Точнее, она была нашей дочерью...

Небольшая, томящая пауза накрыла и без того тяжелую обстановку вокруг. Так вот как вы на самом деле относитесь ко мне, миссис Райкер? Безродный оборванец?! Свадьба за ваш счет?! Попросили оставить фамилию?! Твою мать... Но,

стоп. Что значит «...что, по-твоему, я должна была ей сказать?»? Они все знают? Сидни-таки рассказала им о случившемся? Что вообще происходит?

— Мэри... — уже заметно мягче продолжил свою речь мистер Райкер. — Я же говорил тебе, что надо было подождать. Раз она сама не хотела ничего нам рассказывать, нужно было дать ей еще какое-то время.

— Нет, Джордж! Мы — самые близкие ей люди. Это хорошо, что мне быстро сообщили об этой ситуации. Все-таки мы успели принять меры предосторожности, чтобы это нигде не всплыло.

— Боже, Мэри, — по голосу казалось, что мистер Райкер еле сдерживает слезы. — Мэри, послушай себя! Ты говоришь про какие-то меры предосторожности, каких-то людей, в то время как у тебя в холле лежит тело нашей дочери! Нашей малютки Сидни. Ее больше нет, Мэри, ты понимаешь это?! Наш единственный ребенок мертв! Мэри, я прошу тебя, раз мы уже все равно не в силах ничего сделать, давай не будем хотя бы осквернять память о ней! Прошу тебя, Мэри, прекрати...

— Джордж... Джорджи, я все понимаю... Ты думаешь, я сама не жалею, что вызвала ее на тот разговор?! О том, что сказала ей тогда?! Да я ненавижу себя за это! Я лишь хотела поговорить с ней, я всегда стремилась дать ей лучшее. Я безумно люблю нашу малышку Сидни, Джорджи...

Было слышно, что миссис Райкер заплакала. Мистер Рай-

кер тоже не смог сдержать слез, но не так открыто. Это можно было понять лишь по его периодическим, тяжелым всхлипываниям. Значит, они все знали и поговорили об этом с ней. Черт, специально же выбрали момент, когда меня не будет дома! Сволочи, да как они посмели?! Это они довели ее до самоубийства! Это они во всем виноваты! Сраные богачи, только и беспокоятся, что о мнимой чистоте своего насквозь прогнившего белья! Черт! Знала ли Сидни о таком их отношении ко мне? Она скрывала это? Боже, да почему я не снял этот сраный аппарат?! Я бы просто попрощался с Сидни и уехал отсюда навсегда! Мне явно не стоило это слышать.

— Ладно, Мэри, пойдем спать. Аккуратно, не порежься о то, что ты разбила. Все равно мы уже не в силах ничего сделать... Завтра нас ждет очень тяжелый день.

— Прости меня, Джорджи... Я не хотела, я не думала, что все так обернется.

— Не вини себя, Мэри. Наша дочь попала в отвратительную ситуацию, в которой мы не смогли оказать ей достаточно поддержки, вот и все. Каждый из нас виновен в ее смерти.

Услышав эти слова, я понял, что лучшим вариантом для меня будет незаметно подняться наверх, в свою комнату. Я не хотел обсуждать услышанное с ними. Как вообще после всего этого можно нормально с этими людьми разговаривать? Нет, Райкеры, пожалуй, нам с вами не по пути. Ведь того единственного, как оказалось, что нас связывало, больше нет. Сидни... Я помню, как напоследок бросил взгляд в

сторону дивана, на котором находилось ее тело. Его силуэт был едва различим в темноте, однако он все так же казался мне необыкновенно прекрасным. Бедняжка Сидни, ты ведь наверняка была уверена, что тебя окружает огромное количество людей, которым небезразлична твоя судьба, которые любят тебя. Но в конечном счете, когда ты больше всего нуждалась в помощи, никто не пришел. Нет, я однозначно этого так не оставлю! Неважно, помогут ли мне Райкеры, неважно, буду ли я один, неважно, хотела бы ты этого или нет Сидни... Я обязательно добьюсь для тебя справедливости.

Глава 13

Реквием

Горстка пепла, развеянная по ветру. И это все? Все, чем ознаменовались тридцать лет жизни человека? Этого прекрасного, моего любимого человека... Но что же тебя удивляет? Ты лично не раз наблюдал, как люди уходят из этого мира. Сможешь вспомнить хотя бы одну ситуацию, в которой это бы не было в крайней степени обыденно? Да, это горе, это слезы, и это всегда тяжело. Но, как бы то ни было, не стоит усложнять, превозносить смерть, словно нечто неожиданное, величественное либо же исключительное. Человек, который еще вчера был жив, сегодня уже не существует. Вот и весь сраный, прозаичный конец.

Конечно, я понимал все это, но освободиться от опустошающей грусти и разъедающей тоски был, увы, не в силах. В отношении Сидни сделать это было просто невозможно. Серые, угрюмые лица ее отца и матери, а также сотни приглашенных гостей (боже, и тут они созвали эту чертову тупую толпу. Неужели нельзя было хотя бы похороны провести без этого идиотского фарса?) лишь подпитывали во мне

желание поскорее со всем покончить, сесть в самолет и улететь из этого насквозь пропитанного лицемерием и дешевой пафосностью гнилого закутка. Пошли вы нахрен, Райкеры! Мне совершенно плевать на ваш поминальный банкет и бессмысленное общение с этим сбродом.

Наспех попрощавшись с моими уже не родственниками, я сел в автомобиль, обходительно предложенный мне Джорджем, и уехал в аэропорт. Изначально я хотел отказаться от пользования услугами их личного шофера, но понял, что Райкеры начнут уговаривать, дискуссия может затянуться, да и такси нужно какое-то время ожидать. Лучше не терять времени и скорей убраться отсюда. Хорошо, что весь мой багаж был заблаговременно собран ранним утром. Справедливости ради, его было не так уж и много... А ведь, если задуматься, вещей действительно было слишком уж мало. Изначально мы говорили с Сидни о как минимум двухнедельном пребывании в гостях у ее родителей. Неужели она уже тогда все это спланировала?.. Нет, прекращай. Ты все равно уже ничего не сможешь узнать. Сидни не оставила предсмертной записки. Значит, ей нечего было сказать тебе напоследок. Ты лишь будешь, как и всегда, изнурять себя потоком дурных мыслей, которые не приведут ни к чему хорошему. Ладно, нужно хотя бы попытаться отвлечься. Когда там мой рейс, через полтора часа? Черт, придется торчать в аэропорту все это время, но уж лучше так, чем с Райкерами... Гнилая семейка, можете быть уверены, свое вы еще сполна отхвати-

те. Так, успокойся, у тебя есть целый час и тридцать минут, проведи их с пользой.

Что я точно знаю на данный момент? Есть медицинская экспертиза, исключая неменяемое состояние Сидни. Есть пять лиц, непосредственно участвовавших во всей этой ситуации. Сучья Джуди Кембл... Я неоднократно разговаривал с ней после произошедшего, но толком ничего не добился. Определенно начинать нужно с нее. И беседовать уже совершенно по-иному... Хорошо, что дальше? Бармен... Я ведь читал показания бармена! Нужно будет обязательно поговорить еще и с ним. В случае чего, думаю, мне удастся его подкупить. Дальше идут те два ублюдка и две подружки Джуди. Но, вероятно, у меня получится вытянуть у Кембл всю интересующую меня информацию. Все-таки она самый обычный, среднестатистический, глупый человечиска. Не думаю, что будет сложно ее расколоть. Поэтому ее подруг пока опустим. Но вот что делать с теми двумя подонками? На данный момент в голову приходит лишь визит в полицейский участок. Сочувствующий взгляд детектива Грейсона, которым тот меня регулярно одаривал, в теории может сослужить неплохим подспорьем для обретения довольно полезного союзника в его лице. Хорошо, с этого и надо начать. По приезде домой проверю все счета. Нужно понять, какими средствами для осуществления задуманного я обладаю... Не беспокойся, Сидни, я обязательно докопаюсь до правды и накажу всех виновных. Это будет моим прощальным подар-

ком тебе, любимая. Ведь, если ты не нашла справедливости во время жизни, я сделаю все, чтобы гарантировать ее после твоей смерти. Ладно, когда там мой самолет? Твою мать, чертов телефон отключен, я ведь так и не зарядил его! Было уж слишком не до этого. Без разницы, разберусь с этим уже дома. Может, оно и к лучшему, ведь сейчас нет никого, кого бы я хотел слышать. Так, на табло без пятнадцати шесть, до вылета сорок минут. Пожалуй, продвинусь поближе к стойке регистрации.

И вот я в самолете, снова чертов перелет. Но на этот раз он не доставил мне особого дискомфорта. Ведь мой разум был всецело поглощен целью, я четко определил смысл моего тогдашнего существования. Теперь я знаю, что нужно делать. Осталось лишь добраться до места назначения и разворошить осиное гнездо. Что же, вот и такси до дома. В этот раз не стал покупать кофе, как обычно. Не до этого. Наконец я добрался. Первым делом нужно разобрать вещи и поставить телефон заряжаться, все-таки он мне завтра понадобится. Невозможно... насколько же все здесь напоминает о ней. Эти бокалы, купленные за необоснованно большие деньги, ведь они так ей понравились. Ее одежда. Стол, за которым мы сидели, когда завтракали. Даже эта уродливая люстра, которую Сидни урвала на распродаже. Насколько же это безвкусное светило раздражало меня раньше! Теперь же, как ни странно, я не могу отвести от него взгляд... Кажется, что я даже все еще чувствую этот запах... Лаванда вперемешку с

корицей. А ведь эти духи были моим подарком для Сидни на нашу годовщину. Я сразу понял, что они ей не понравились. Но Сидни все же довольно часто ими пользовалась, так как они очень полюбились мне. Боже, кажется, только сейчас я начал по-настоящему осознавать, что всего этого больше никогда не будет. Мы никогда больше не будем завтракать вместе, я больше никогда не буду помогать ей распутывать ее длинные волосы, после того как она сгребет их в бесформенный, пугающий комок во время расчесывания. Мы больше никогда никуда не выберемся с ней свободными вечерами и больше не будем бесцельно, держась за руки, бродить по парку по выходным... Насколько же она была прекрасна в тот весенний день, когда во время нашей прогулки начался ливень! Не было даже намека на то, чтобы Сидни пыталась прятаться от дождя. Она лишь жизнерадостно улыбнулась, закрыла глаза, подняла руки и лицо вверх и неподвижно стояла в таком положении какое-то время. Которое зациклилось в моей памяти настолько неприкосновенно-сокрушительно, что сейчас кажется не менее чем бесконечным. Тот ее взгляд в мою сторону, протянутая мне ладонь... Боже, насколько же все-таки она любила меня! Насколько же безгранично я ее любил! Прости меня, Сидни, я не смог уберечь тебя! Я не смог тебя спасти... Все, что мне от тебя осталось, — это воспоминания, исключительно светлые воспоминания. И ты, мерцающая в них нежным светом. Все еще теплым, все еще ярким. Будто ты все так же здесь, рядом со мной...

Нет, остановись, хватит, не позволяй унынию тобой завладеть! Ты определил для себя то, что сейчас необходимо сделать. Сконцентрируйся на этом. Сидни уже не вернуть, как бы тебе ни хотелось этого. Сделай хотя бы что-то стоящее в память о ней. Не позволяй себе сейчас быть слабым. Смой слезы, которые скупно выступили в уголках твоих глаз, и иди спать. Сейчас ты все равно ничего уже не сделаешь, а как проснешься — примешься за работу. Да, все правильно, так и нужно поступить. Я сейчас же беру себя в руки и делаю то, что должен.

После моих недолгих, бесхитростных приготовлений ко сну я наконец-таки заглянул в уже заряженный телефон. Нужно было установить будильник, а лучше несколько, ведь я не был уверен, что мой измученный произошедшим организм позволит моему сознанию включиться с первой же попытки. Так, загрузка... пароль... куча пропущенных звонков... стоп, что это? Неужели? Этого не может быть! Непрочитанное сообщение от... от нее...

Глава 14

Цугцванг

Я знал, я знал это! Сидни... Сидни никогда бы не смогла... она бы ни за что не оставила меня мучиться в неведении... Боже, да что это за реакция? О чем ты только думаешь? Какой же все-таки ты идиот! Это сообщение... Оно ведь было отправлено тебе перед самой ее смертью. Сидни знала, что ты не смог бы ничего предпринять для ее спасения, ведь в тот момент дрых без задних ног под таблетками в шести тысячах миль над землей. Это значит, она лишь хотела попрощаться, не более. Ты ни на что не мог повлиять — и уже никогда не сможешь, ничтожество. Но как же ты обрадовался, прямо как первоклассник, нашедший гору конфет в ящике кухонного шкафа, не так ли? Соберись наконец. Сейчас не время давать волю эмоциям. Открой это сообщение и прочти его внимательно. Возможно, ты сможешь найти в нем нечто важное.

Внутренний диалог, в последнее время возникающий с пугающей периодичностью в моей голове, привел меня к единственно верному решению. Все, что мне было необхо-

димо, — постараться погасить эмоции и вдумчиво прочесть текст. Я открыл сообщение.

«Привет, милый. Хочу сразу сказать тебе, что не нужно себя винить. Я долго думала над принятием этого решения и пришла к выводу, что не могу иначе. Прости, если сделала тебе больно. Я никогда не хотела этого. Я желала лишь того, чтобы мы всегда были вместе, всегда любили друг друга... Отнесись ко всему написанному далее, пожалуйста, насколько это возможно, спокойно, любимый, ведь я не хочу, чтобы ты переживал и скучал по такому ничтожеству, как я...»

Что? Ничтожеству? Я ничего не понимаю, неужели... Стоп! Хватит. Не нужно ничего додумывать, не теряй фокус, просто продолжай читать.

«...Если ты думаешь, что я во всей этой ситуации была жертвой, то буду вынуждена в очередной раз разочаровать тебя, милый. Ведь я действительно не хотела идти в клуб тогда. Я не хотела находиться в компании этих парней, а тем более куда-либо с ними уезжать. Моим единственным желанием было лишь уберечь Джуди от чудовищной ошибки, ведь она все еще любила Стивена, а в тот вечер явно переборщила с выпивкой. Я лишь стремилась уберечь ее от того, о чем она могла бы пожалеть...»

Глупая, какая же ты все-таки глупая, Сидни! Неужели ты действительно подумала, что я буду винить тебя за это твое желание? Ты ведь хороший человек, ты хорошая подруга, чего еще можно было ждать от тебя в подобной ситуации?

Остановись, не отвлекайся.

«...Я действительно поехала с ними по собственному желанию. Я думала... я думала, что своим присутствием там не допущу, чтобы Джуди переступила грань. И в какой-то момент мне показалось, что это получилось. Она была все еще в сознании, но очень пьяна. Поездка на машине лишь усугубила ее состояние. Я подумала, что сейчас вызову такси, попрошу таксиста помочь мне усадить ее внутрь, а потом мы вместе с ней уедем. Но из-за криков на нее у меня пропал голос, я начала кашлять. В горле пересохло так сильно, что я практически не могла нормально говорить. Один из тех парней, увидев это, предложил мне стакан сока. После этого я вызвала такси, но минут через пятнадцать сама позвонила, чтобы отменить его... Боже, пожалуйста, прости меня, если сможешь, милый! Я не знаю, что со мной произошло, но в определенный момент мне просто перехотелось уезжать... Мне захотелось остаться. Подольше пообщаться со всеми. Я врала тебе, милый... Я врала самой себе!..»

Нет, Сидни, нет, прошу, не делай этого со мной! Ты ведь и сейчас врешь, разве нет? Пожалуйста, пожалуйста, скажи, что это все неправда! Не нужно... не поступай так со мной, Сидни, умоляю!

«...Я помню все из того, что там происходило. Я... я сама на все это согласилась. Меня действительно никто ни к чему не принуждал. Я не знаю, я не понимаю, что со мной произошло... Я думала... я надеялась, что они чем-то ме-

ня напоили, но, услышав результат медицинской экспертизы, поняла, что это не так. Мне ужасно стыдно перед тобой и жаль тебя, милый, ведь твоя любимая жена действительно оказалась конченной шлюхой, как и сказала мне мама... Прости, прости меня за следующие слова. Я понимаю, что ты начнешь меня после них ненавидеть, но ты должен знать и понимать это. Я действительно помню многое из той ночи, и я отчетливо помню... что мне нравилось... Какая же я дрянь, шлюха! Прости, милый, я не достойна тебя, я не достойна наших отношений! Я понимаю, что через какое-то время ты все равно, несмотря ни на что, простишь меня и мы бы снова сблизились. Но, поверь, это ни мне, ни тебе не нужно. Живи дальше счастливо без такой дряни, как я. А я... я просто не могу, не хочу продолжать дальше жить со всем этим. Это чересчур тяжело и больно. Пожалуйста, не вини себя либо кого бы то ни было в моей смерти. Во всем виновата лишь я сама. Возможно, это сейчас прозвучит ужасно лицемерно, но я любила тебя. Любила тебя всем сердцем до самого конца».

Нет-нет-нет... Зачем, Сидни? Для чего ты прислала мне это?! Ты хотела, чтобы я возненавидел тебя, чтобы мне стало проще жить дальше? Так вот, Сидни, ты охуеть как ошиблась! Я не знаю... Не понимаю! Что мне теперь делать?! Еще пять минут назад у меня в голове был обрисован четкий план действий и определена цель... а что теперь?! Это все было зря, Сидни? Все мои, все твои мучения... Ты почему-то ре-

шила, что все было напрасно лишь оттого, что ты скажешь мне, что тебе понравилось, как в тебя засовывали свои члены эти два мудака?! Нет... нет, Сидни. Здесь ты, черт его дери, не права! Но что... Но что, если она действительно написала правду? Ну зачем, зачем ты сделала это, Сидни? Для чего ты отправила мне это проклятое сообщение?! Я ведь действительно не понимаю, что мне сейчас делать! Сука!!! Нет. Это слишком тяжело. Все это чересчур для меня... Где там стоит та бутылка аристократического пойла, подаренная Райкером на мой день рождения? Сволочи, они же прекрасно знали, что я уже три года как не пью... Плевать! Хоть на что-то эти богатеи сгодились. Смотрите, миссис Райкер! Безродный оборванец пьет ваше безумно дорогое, изысканное пойло. Прямо из бутылки! Да идите вы в задницу, миссис Райкер! Лучше бы почаще держали свой поганый рот на замке!

Я мало что запомнил из того вечера. Разве лишь утонченную бутылку «Макаллана», плотно усевшуюся в моей левой руке... разгромленную квартиру. Выдернутую из потолка и впоследствии разбитую вдребезги люстру. Я не знал, я не мог определить свой дальнейший путь тогда. Видимо, этого и не нужно было делать. На тот момент напиться до беспамьтства казалось самым лучшим решением из всех возможных. Однако отчего же тогда?.. Мой взгляд невольно упал на нижний ящик стола.

Глава 15

Отравка

Снова эта сраная вибрация из-под подушки. Как этот дурацкий телефон вообще там оказался? Я же отчетливо помню, что разбил его о стену. Мне это приснилось? Или этот раздражающий звонок — тоже сон? Ничего не понимаю. Все размылось, перемешалось в одну неосязаемую, текучую, бесцветную массу. Третий пропущенный за пятнадцать минут. Нет, все же это не сон. Да ты издеваешься надо мной, Боб?! Сейчас же всего девять часов утра. А-а... ладно, все-таки я уже на три дня перегулял выделенный мне тобой худший из всех, которые можно только вообразить, отпуск. Так и быть, считай, что тебе повезло... Нет, все же нет... Прости, Боб, не хочу отвечать.

Восемь дней подряд я пил. Никогда бы не подумал, что способен осуществить нечто подобное. Твою мать, как же трещит голова... Сколько же раз меня тошнило за это время? Нет, бессмысленно и тяжело считать. Я просто не вспомню. Пить. Как же я хочу пить. Мне срочно нужна вода. Надо как-то доковылять до кухни... Черт, эта сука... она врала

мне, она всегда мне врала! Нет... нет, не хочу снова. Восемь... восьми дней запоя все же недостаточно для того, чтобы выкинуть эти дебилские мысли из головы. Каждое утро... каждое гребанное утро одно и то же. Одно, блядь, и то же! И так раз за разом. День за днем. Но она же предала тебя. Ты же сам все прочел. По ее словам, она сама решила натрахатья вдоволь на стороне, потом пожалеть об этом, а после обожраться таблеток и откинуться. Какая же ты тварь, Сидни! Ты решила разобраться со всем этим дерьмом самостоятельно, не правда ли?! К чему тебе я?! Зачем тебе чьи-то советы, чья-то помощь?! Ты ведь самая умная, да, Сидни?! Ты лучше всех обо всем знаешь, все понимаешь, правда?! Так вот, Сидни, ты очень много о себе возомнила! Ты лишь тупая сука, давшая разовую волю своей внутренней шлюхе, после чего, не справившись с внезапно нахлынувшим чувством вины, решила уйти... И лучше бы ты ушла не попрощавшись!..

Ты думаешь, мне нравится это?! Ты думаешь, мне нравится сейчас лежать здесь в этом дегенеративном состоянии и чернить тебя?! Оскорблять любовь моей жизни?! Я ненавижу себя, Сидни, я ненавижу тебя. Я ненавижу твоих конченных родителей, подруг. Я ненавижу все вокруг!.. Твою мать, Боб, да угомонись же ты, наконец! Четвертый звонок за утро! Ладно... ладно, Боб, я беру трубку.

— Да, — с абсолютно неприкрытым раздражением в голосе, какое только смог выдать из себя мой высушенный

организм, сказал я.

— Привет, извини, если помешал, но ты уже третий день не появляешься на работе и не отвечаешь на звонки, у тебя все хорошо? — Боб, ты, как всегда, давишь своим по-детски наивным переживанием.

— Да... да, Боб, все нормально, — ни хрена не нормально, Боб, ни хрена, мать твою, не нормально! Побыстрее уже вещай, что ты от меня хочешь, Боб, ведь я спешу. Меня ждет уничтожающее свидание с дешевым и весьма дерьмовым на вкус «Тичерсом».

— Тогда почему тебя все еще нет на работе?.. Ладно, сейчас речь не об этом, с этим мы как-нибудь решим. Помнишь, пару месяцев назад я подавал запрос наверх по поводу твоего повышения?

— Да-а... — ничерта я не помню, Боб!

— Так вот, сегодня мне пришел ответ, что один далеко не последний человек из совета директоров будет проездом, буквально несколько часов, находится в нашем городе. И, помимо прочих дел, он готов тебя собеседовать.

Офигенная новость, Боб, просто, блядь, шикарная! Да иди ты в задницу вместе со своей заносчивой, уверен, в твоем понимании, колоссальной в своем величии шишкой! Меньше всего я сейчас хочу лезть в шкаф в поисках хотя бы одной чистой офисной рубашки, принимать чертов душ, пытаться заглушить ферментирующий все пространство в пределах пятнадцати футов вокруг меня похмельный смрад и

тащить свою мелкую, тощую задницу в центр города с целью произвести впечатление на очередного напыщенного индюка!.. Ладно, мне нужно успокоиться. Ведь, если подумать, Боб всегда был доброжелателен ко мне, постоянно шел навстречу во всех вопросах. Даже сейчас он переживал, вон сколько раз звонил, пока я не ответил. И ладно мне, но, возможно, что и ему прилетит, если эта «очень важная персона» не будет иметь возможности лицезреть мое присутствие в офисе. Ладно... ладно, Боб! Я помню твою доброту. Исключительно ради тебя я сделаю это.

— Хорошо, я понял, Боб. Скажи, пожалуйста, сколько у меня есть времени?

— Полагаю, что его у тебя нет в принципе. Но я попробую выиграть часа полтора.

Я все понял, Боб, хорошо, ладно! Что там, холодный душ, чистка зубов, раза три не меньше, обилие парфюма... А я ведь на какое-то время отвлекся... совсем перестал думать о ней. Спасибо за это, Боб. Хотя бы пять минут покоя, это уже что-то.

Проведя над собой череду мелких и не очень «аффинерных» манипуляций, я вызвал премиум-такси и сказал водителю что есть мочи гнать по направлению ко Второй, на которой, собственно, и располагался наш офис. Я снова не разочаровал тебя, Боб, управился за час пятнадцать! Я в лифте, нажимаю кнопку «21» на табло, жду. Как же медленно он поднимается! Хорошо, хорошо, ждем. Наконец-то! Выхожу

и буквально слету натыкаюсь на Боба. А этот шикарно приодетый, высокий, седовласый, поджарый старикашка, как я понимаю, и есть тот самый большой босс? Да, я не ошибся. Ну что же, вельможа, начнем!

— Приветствую вас, молодой человек. Меня зовут Фрэнк Фоксвуд. Не сочтите за дерзость, ведь основная цель моего визита отнюдь не наше с вами знакомство, поэтому, если вы не возражаете, постараемся провести беседу оперативно. Господин Боб Гамильтон неоднократно ратовал совету директоров за вас, вследствие чего я запросил характеристику с подробным описанием ваших основных профессиональных показателей за прошедший год. И, признаться, я был приятно удивлен. Довольно редко можно встретить молодого работника, в настолько положительном ключе влияющего не только на функционирование вверенного ему отдела, но и на деятельность филиала в целом. Сказать по правде, у меня было к вам некоторое количество предварительных вопросов, но мы специально решили никого не предупреждать заранее о моем визите, чтобы, так сказать, застать вас врасплох. Из-за этого я прибыл как раз во время вашего отъезда к одному из наших клиентов для заключения крупной сделки, — вот же засранец, Боб, красивую ты историю выдумал!

— Надеюсь, по ней все удачно прошло?

— Да, конечно же, удачно, сэр.

— Я же говорил, что он молодец! — без спроса вмешался в диалог Боб.

— Да, я вижу. По наличию характерного запаха алкоголя действительно полагаю, что переговоры прошли на славу. Но обойдемся без лишних прелюдий, хотя в нашем деле без них никуда, не правда ли?

Дерьмовая шутка, ничего не скажешь. Но хохот Боба, которым он решил ее ознаменовать, принудил меня выдавить из себя хотя бы минимальную улыбку, дабы угодить нашему уж очень важному собеседнику. Тем более что он так ловко и изящно сам для себя определил весьма правдоподобную причину наличия выжигающего пространство кабинета моего восьмидневного перегара.

— Так вот, без лишних слов, готовы ли вы взять на себя управление финансовым сектором филиала? Проще говоря, стать первым заместителем мистера Боба Гамильтона?

На подобное предложение я и рассчитывал. Предыдущий заместитель уже пару месяцев как вышел на заслуженную пенсию. Сейчас, вероятно, попивает мартини на Канарах либо же каждое воскресенье вместе с женой возит ее чихуа-хуа на прием к ветеринару. Что сказать, тут уж кому как повезло. Предложение заманчивое, это предельно ясно. Жаль вот только, что мне совершенно на него плевать... Принимать его в таком опустошенном состоянии? Они ведь ничего не знают, никто ничего не знает. Сейчас все наденут радужные маски на свои лица и примутся поздравлять меня, а когда всплывет то, что стало с Сидни, поверх радужной они наденут маску оттенка помрачнее и как один начнут сочувство-

вать. Ебаное сборище лицемеров! Как же я ненавижу этих жалких людишек! И ты, Сидни. Я думал, что ты другая. Я считал, что ты особенная. Что ты такая одна. Как же я ошибался... Придурок, идиот, кретин! Чтобы еще хоть раз... еще, блядь, хотя бы один сраный раз я доверился кому бы то ни было в этой гребанной жизни! Нет, больше никогда! Все, довольно! С этого момента я буду один, как с самого своего рождения. Так, как оно, уверен, и задумывалось. Я не хочу больше чувствовать боль. Хватит с меня уже боли... Не хочу... не могу больше. Все это слишком тяжело...

— Да, конечно же, сэр, я готов.

Глава 16

Никто

Подпись, за ней еще подпись, переговоры, банкет, снова подпись. Конечно же, я догадывался, что в обязанности начальства по большей части входят лишь чтение бумаг, раздача команд подчиненным, представительский внешний вид и ослепительная в своей неестественности улыбка. Но я не мог и предположить, насколько все это уныло. Собственно, а чего ты хотел? Одно время ты стремился к этому. Ты уже давно мечтаешь о покое — пожалуйста! Вот он, во всей своей красе! Все, что сейчас нужно делать, — это пожимать руку правильным людям, сидеть в своем необоснованно дорогом кожаном кресле и проводить день, передвигая на комфортабельной служебной машине свое одетое в шикарный костюм «Канали» худощавое туловище. Между кабинетов, переговорных, банкетных залов, лживых улыбок, обещаний партнеров и встреч... Нет, все-таки совсем не такого покоя я желал.

Четыре месяца прошли одним днем. И что изменилось за это время? Я по-прежнему езжу на работу на служебном ав-

томобиле. По-прежнему ем напрочь утратившие какой бы то ни было вкус деликатесы на служебных банкетах. Мне все так же ее не хватает... Почему, почему же я не могу отпустить, забыть человека, предавшего меня, воткнувшего нож в мою спину? Сколь ни пытался осмыслить это, так и не смог. Моя жизнь кажется какой-то не такой. Не той, какой должна была сложиться... А должна ли была она сложиться в принципе? С чего ты это решил? Быть может, все сейчас находится на своих местах? Может быть, ты сам привел себя ко всему этому? Ладно, заканчивай. Прекращай уже делать вид, что тебе не все равно. То, что ты представляешь собой сейчас, — безвольная тень, тащащаяся от одного бессмысленного события к другому за семьдесят долларов в час. Плюс проценты, не забывай про проценты, парень... Дешево же я себя продал, ничего не скажешь. Ладно, все эти рассуждения ни к чему. Лучше приведи себя в порядок. Сегодня вечером ведь благотворительный ужин в честь дня рождения господина Дональда Хайтауэра, одного из крупнейших и наиболее влиятельных клиентов нашего банка. И раз уж Боб решил взять тебя с собой, то наверняка захочет, чтобы ты произвел на него впечатление. Значит, очередной пустой, псевдоинтеллектуальной светской беседы тебе все же не удастся избежать. Ладно, одевайся... И да, не забудь взять с собой эту притворную, милую улыбочку, она же всем так нравится. Да... не волнуйся, не забуду. Она теперь всегда со мной.

Что же, очередной шикарный, чересчур огромный до-

мишка с обилием шныряющей прислуги вокруг и шестью массивными колоннами перед центральным входом. Боже, всегда одно и то же. Неужели с прибавлением пары нулей на счетах настолько снижается чувство вкуса и фантазия? А, он еще парочку раритетных автомобилей решил выставить на показ перед особняком. Этот господин явно любит щегольнуть своим богатством и положением в обществе. Нужно будет иметь это в виду. Вот мы и прибыли. Сейчас этот учтивый молодой человек в красном костюмчике откроет дверь моей машины, чем ознаменует начало очередного парада лицемерия. Пора бы уже и привыкнуть. Улыбайся и быстрее иди в дом.

Надо же, пирамида бокалов, переливающихся шампанским, живая музыка, закуски... А это что там у нас, шоколадный фонтан? Хоть что-то новенькое. Ладно, все это неважно. Где там Боб? А-а, вот ты где, засранец! Как же я сразу не увидел твою потрясающую, сияющую в свете этой громоздкой люстры розовую лысину?! Надо поговорить с ним немного, узнать хотя бы, как выглядит этот самый мистер Хайтауэр. Все-таки баланс счета и холодные строки транзакций совершенно не раскрывают внешность клиента. Хотя... возможно, это и не совсем так. Все-таки молодежь охотнее увлекается криптовалютой и сомнительными стартапами в надежде на мгновенный куш (что в 95% случаев заканчивается банкротством, благо, не нашего банка). В то время как господа постарше, читавшие Драйзера в юношестве, отдают предпо-

чтение старым добрым акциям и облигациям. Насколько же это все надоело... Давайте! Пусть кто-нибудь упадет в обморок или уличит жену в измене с присутствующим здесь разряженным павлином! Или, быть может, кто-то не устоит на ногах и перевернет шоколадный фонтан!.. Конечно же, ничего из этого не произойдет. Разговоры... бесконечный пустой треп и лживые улыбки. Полагаю, это все, на что я могу рассчитывать.

— Привет, Боб. Вижу, сегодня ты прямо в своей тарелке, не так ли?

— О, привет! Да, ты чертовски прав! Здесь просто восхитительно. Кстати, ты заметил, тут есть шоколадный фонтан!
— Боб... ну конечно, и ты туда же.

— Да, Боб, весьма увлекательное зрелище. А эта шикарная люстра над нашими головами? Как думаешь, если она упадет, какое количество этих припудренных, тщательно выполощенных в биде задниц заберет за собой в ад? Штук двадцать, тридцать?

— Да... прекращай снова эти твои дурацкие шуточки! Подойди вон лучше, пообщайся с господином Хайтауэром. Я уже минут пять за ним наблюдаю, он явно скучает.

— Это действительно так необходимо, Боб? — на самом деле я прекрасно понимал, какой последует ответ, но не задать вопрос не смог.

— Естественно, это обязательно! Давай уже, шевелись, не трать мое время!

Тратить твоё время, Боб? Серьёзно? По-моему, ты и сам с этим прекрасно справляешься. Но в любом случае придётся идти. Так, на кого там указывал Боб? По-моему, вот на это небольшое скопление богачей. Кто там? Мужчина лет шестидесяти пяти. Хм, хорошие часы, запонки, безвкусный смокинг чернее горизонта, что открывается перед глазами шахтера... а нет, все же его туфли потемнее будут. Держится уверенно, улыбается, поддерживает беседу... Думаю, что это и есть господин Хайтауэр. Все-таки другой старичок, который стоит рядом с ним, не настолько выделяется. Одёт со вкусом, но довольно скромно. Видно, что не любит привлекать к себе внимание. Боже, как же я люблю все усложнять, можно же было просто переспросить Боба! Так, а вот это уже интереснее. Примерно тридцать лет, девушка очень приятной наружности, черное, в меру короткое платье, аккуратная, строгая причёска, но при этом слегка агрессивный макияж. Держит под руку мистера Хайтауэра... Думаю, что это его молодая подруга, коих, вероятно, немало... Ладно, хватит уже рассуждений, пора идти.

— Доброго вечера вам, господин Хайтауэр, господин...

— Коннорс, Бенджамин Коннорс.

— Очень приятно, господин Коннорс, — Коннорс... знакомая фамилия. — И леди...

— Леди Хайтауэр. Но для вас можно просто Виктория.

Так, значит, она его жена. Странно, на их безымянных пальцах нет колец. Быть может, они их просто не носят.

— А вы, видимо, то самое молодое дарование, ответственное за приумножение моих последних вложений, о котором не раз говорил Боб?! — боже, что же ты там наплел ему, старик?

— Видимо, да. Других подходящих под это описание в нашей фирме не наблюдается.

— Как я могу заметить, у вас все в порядке не только с тем, что касается финансов моего отца, но и с юмором, — я все же ошибся, она его дочь. Большая же у них разница в возрасте, если учесть, что господину Хайтауэру слегка за семьдесят, что отличается от того, что я прикинул на глаз.

— Прекрати, Викки, не нужно смущать нашего гостя. Тем более что он явно чувствует себя у нас немного не по статусу, — к чему же было сделано данное замечание, мистер Хайтауэр? Придется мне вас немного проучить.

— Вы любите живопись, господин Хайтауэр?

— Да, конечно же, она доставляет мне определенное эстетическое удовольствие. Вы когда-нибудь бывали внутри Сикстинской капеллы? Если нет, то крайне рекомендую, это нечто невообразимое! Истинно, лишь Господнею дланью мог быть сотворен сей шедевр! — полагаю все же, что данное великолепие было создано благодаря кисти Микеланджело.

— К сожалению, не доводилось там бывать. Я уловил, что вы любитель искусства, как только мой взгляд упал на прекрасную репродукцию картины Сальвадора Дали «Постоянство памяти». Признаюсь, я не слишком силен в живописи...

Вот не могу вспомнить, в каком году Дали ее написал — двадцать девятом или тридцатом? Думаю, что для вас, как для знатока, не составит труда просветить меня в этом вопросе.

— Конечно же, в тридцатом году, юноша. Стыдно не знать! — каков же напыщенный дилетант. Она была написана в тридцать первом. По уголкам губ твоей дочери, невольно поднявшимся вверх, очевидно, что искусство отнюдь не твое увлечение.

— Да будет вам, перестаньте, — вдруг вмешалась в разговор Виктория. — Позволь я украду у тебя этого прелестного молодого человека, пап, и покажу ему еще парочку наших картин.

— Конечно же, Викки, если юноша не возражает.

— Что вы, я вовсе не против, — если бы вы только знали, насколько же мне насрать.

Оставив господина Хайтауэра наедине с разговорчивым мистером Коннорсом, Виктория взяла меня за руку и быстро повела по коридорам их огромного особняка, изнутри больше напоминавшего дворец. Картин, различных старинных ваз, мебели и иного переоцененного антиквариата у них действительно хватало. Однако единственным, что произвело на меня хоть какое-то минимальное впечатление, было фортепиано восемнадцатого века, на верхней панели которого красовался какой-то старинный фамильный герб. Да, общество уже тогда было «скромным» по своей природе. Немного удивил меня и тот факт, с каким знанием и легкостью

обо всем этом рассказывала Виктория. Даже мне, человеку, на самом деле довольно далекому от искусства, было в какой-то степени интересно слушать ее воодушевленные речи. Но все-таки определенная мысль не выходила из моей головы: она увела меня подальше от гостей и по ощущениям с каждым шагом утаскивает все глубже. Она вовсе не нервничает. Складывается такое впечатление, что она четко понимает, что сейчас делает. Неужели она хочет... Внутренний голос оказался прав.

— Вам нравится эта картина? — будто невзначай спросила Виктория. На самом деле, мне уже надоело играть по ее правилам, поэтому я решил не притворяться.

— Если честно, мне абсолютно плевать, госпожа Виктория Хайтауэр. Все эти вылизанные светские рауты и скучные разговоры с дряхлыми старикашками — совершенно не по мне. Впрочем, думаю, вам тоже это не нравится, раз вы заманили меня сюда.

Виктория снова слегка улыбнулась.

— И как давно вы меня раскрыли?

— На самом деле сразу же. Вы ведь прекрасно поняли ту мою колкость, отпущенную в адрес вашего отца по поводу года написания картины, но решили тактично промолчать, не так ли?

— Да, ведь это было дерзко с вашей стороны и вместе с тем глупо. Вам повезло, что ни господин Коннорс, ни мой отец в действительности ничего не смыслят в искусстве. По-

тому как папа так просто не закрывает глаза на унижения в свой адрес.

— Да и не только в нем. Исходя из некоторых аспектов того, как ваш отец ведет свой бизнес, меня до сих пор удивляет, как он умудрился достичь такого уровня благосостояния. Впрочем, благодарю за предостережение. Однако, Виктория, скажу откровенно, меня не волнует реакция вашего отца. Не думаю, что он в силах сделать хоть что-то, что могло бы усложнить мне жизнь.

— Как я и предполагала, вы довольно безрассудны.

Что же, мне все ясно. Думаю, эта дамочка отвела меня подальше, преследуя максимально примитивные цели. Комната с большой кроватью поодаль от гостей, вся прислуга сейчас в холле, нас никто здесь не увидит. Видно, что она не глупа и привыкла получать то, что хочет. Вполне может быть, что проворачивает она нечто подобное не в первый раз. Однако придется вам, Виктория, остаться ни с чем...

Но почему? Почему я рассуждаю именно в таком ключе? Ведь, если задуматься, она весьма привлекательна, умна, к тому же сама этого хочет, а значит, полностью отдастся мне в постели. Да и последний секс у меня был с... Сидни. Неужели я до сих пор не могу выбросить ее из головы? Почему? Она же предала меня... Ты так в этом уверен? Ее сообщение — это и есть единственное доказательство. А что, если она тебе соврала? Может быть, все не так просто, как кажется? Ты же сам много раз думал об этом. Но так и не предпри-

нял ничего, чтобы хоть что-то разузнать. Ты решил пойти самым легким из путей. Как видишь, этот путь ведет тебя в никуда. И сейчас, стоя рядом с шикарной женщиной, которая всем своим видом показывает, что хочет доставить тебе бескорыстное наслаждение, ты колеблешься... Нет, у тебя нет сомнений. Ты уверен в том, что отошьешь ее. Как же иначе? Ведь в твоей голове есть место лишь для Сидни. А ты, кто ты сейчас? Когда ты в последний раз искренне получал удовольствие от благ этого мира? Ты стал именно тем, в кого поклялся не превращаться. Ты — пустая оболочка, движимая рефлексам, а не желаниями, живущая по приказам и согласно распорядку своего босса. И ты отказываешься от всего, что может вывести тебя из этого замкнутого круга. Черт... прости, Виктория. Ты повстречала меня определенно не в то время.

Глава 17

Щелчок

Прошло еще три месяца, я все так же пожираю себя изнутри. Неужели это никогда не закончится? Я не раз думал над этим, чем лишь сильнее подпитывал удушающую тревожность. Я почти ничего не ем, я так до конца и не понимаю, сплю ли я по ночам. Приходит ли Сидни ко мне во сне, либо это галлюцинации, являющиеся плодом моего телесного и морального истощения. Или же у меня просто-напросто прогрессирует шизофрения? Я не знаю. Не могу и не хочу этого знать. Я лишь жажду вычеркнуть, выкинуть эти мысли из своей головы. Удалить Сидни из памяти. Но, к сожалению, этому не суждено случиться. Апатия, внезапно нахлынувшие воспоминания, страдания, жуткая боль, выпивка, чтобы обнулиться, апатия... И так из раза в раз. По кругу. Снова и снова, и снова, и снова... Мне больше не нужен покой. Мне нужен конец.

К своему несчастью, благодаря внезапно вспыхнувшей ко мне страсти со стороны Виктории, я стал завсегдатаем светских приемов в особняке Хайтауэров, которые происходили

на удивление стабильно, не реже одного раза в месяц. Господин Хайтауэр не мог нарадоваться моему обществу, чему в свою очередь был несказанно счастлив Боб. Ведь я бы и рад просто игнорировать эти раздражающие, не нужные мне мероприятия, однако пригласительные на них всегда приходили почтой по юридическому адресу нашей фирмы. А ты не глупа, Виктория. Нашла стопроцентный способ вытягивать меня на встречи. Ведь что-то, а подобные письма пройти мимо цепких рук, но отнюдь не зорких глаз Боба не имеют и шанса. Что же, надеюсь, ты довольна теми бессмысленными мимолетными диалогами, которые случаются у нас время от времени. Ведь мне по большей части все равно.

Очередной рядовой прием. Креветки в сливочном соусе, омары, устрицы, черная икра. Видимо, сегодня господин Хайтауэр решил поиграть в морского царя. Неудивительно, ведь принадлежащая ему компания «Пацифик Интернешнл Карго» под моим чутким сопровождением за последние полгода вышла на тридцатичетырехпроцентный прирост чистой прибыли. Но от этого мне не легче, ведь сегодня я нормально не поем. Впрочем, не сказал бы, что мне и хотелось. Да, да... конечно же, ты увидел меня в зале и тут же подзываешь к себе. Уже иду, мистер Хайтауэр! Не могу себе позволить заставлять вас ждать.

— Приветствую, юноша! Как ты находишь сегодняшней вечер? Согласись, все проходит просто великолепно. Ты уже пробовал этих шикарных омаров?

— Да, конечно, господин Хайтауэр. Омары просто потрясающие, — раз уж их так усиленно уплетает Дональд-младший, притворюсь, что и у меня имеется к ним интерес.

— Определенно! Мой младший сын не может от них отлипнуть! — предсказуемо, Дональд. — Кстати, Виктория просила передать, что у нее появились неотложные дела и ей очень жаль, что она не сможет сегодня с тобой встретиться, — надо же, как я «расстроен». — Однако несколькими днями ранее из Европы вернулся мой старший сын Майкл. Я обязательно познакомлю вас, если, конечно, он соизволит почтить нас своим присутствием.

Да-да, Дональд, я уже наслышан об этом «золотом» ребенке. Надеюсь, он все же решит здесь не появляться.

— Юноша! — продолжил свою пламенную речь господин Хайтауэр. — У тебя точно все в порядке, нет никаких проблем? По твоему бледному и осунувшемуся более чем обычно внешнему виду, я могу прийти к выводу, что что-то явно идет не так, как следует.

— Не стоит беспокоиться, господин Хайтауэр. Со мной все нормально. Но вот насчет вас, точнее вашего бизнеса, у меня есть определенные опасения.

— Что ты имеешь в виду?

— Да я все о том же, Дональд, — завод на окраине Мейплвуд-Хайтс. При прошлом нашем разговоре я уяснил вашу позицию насчет его ликвидации. Однако настоятельно прошу вас еще раз рассмотреть разработанную мной антикризис-

ную программу. Как и говорил ранее, я крайне рекомендую вам сменить поставщиков сырья, урезать ремонтные расходы, поразмыслить о сокращении штата работников хотя бы на треть. Иначе завод будет тянуть...

— Юноша, — прервал меня мой клиент. — Кажется, мы уже не раз дискутировали на данный счет. И, кажется, я уже много раз повторял, что меня совершенно не волнует возможная убыточность этого предприятия. Оно дорого мне как воспоминание о том, с чего мне довелось начинать свой путь более тридцати лет назад. Поэтому еще раз настоятельно тебя прошу, обрати свое внимание на другие мои активы. Уверен, ты и там найдешь для себя много того, с чем можно было бы поработать. А эту маленькую фабрику оставь, будь добр, на меня, — нелогичное расточительство и непонятное мне равнодушие Дональда Хайтауэра в некоторых весьма значительных аспектах его бизнеса зачастую раздражали меня. В голове не укладывалось, как человек, состояние которого превышало миллиард долларов, может быть настолько невовлеченным в дела, касающиеся его же финансов? Впрочем, это его деньги и его предприятие. Если в отношении его Хайтауэр движем иррациональным чувством ностальгии — пусть так. Тем более что по большому счету я лишь консультант. — Я тоже кое-что смыслю в том, как вести дела, раз уж достиг подобных высот, — продолжил свою «скромную» речь господин Хайтауэр. — Так что тут нечего волноваться. Никаких неприятностей с заводом не предвидится. А вот на

твой счет я бы не был таким однозначным. Погляди вон, с тебя уже минут пять, как не сводит глаз наш местный многоуважаемый блюститель правопорядка.

Я повернул голову и к собственному удивлению увидел высокую, серую, явно не вписывающуюся в местный декор фигуру детектива Грейсона. Он действительно смотрел в мою сторону и, заметив то, что я это заметил, доброжелательно кивнул головой. Аналогично поприветствовав его в ответ и, извинившись перед мистером Хайтауэром, я решил проследовать к детективу. Будто предвидя мои намерения, он в ту же секунду двинулся в мою сторону, после чего мы встретились под той самой огромной, сверкающей люстрой, нависающей над центром зала, и пожали друг другу руки. Его рука была крепкой и холодной, будто он принес с собой кусок улицы в этот зал.

— Здравствуйте, детектив. Довольно неожиданно наблюдать вас здесь.

— Добрый вечер. Рад видеть вас в добром здравии. Прежде всего позвольте выразить свои соболезнования. Я слышал о том, что произошло с вашей женой. Это тяжелое испытание, и я сочувствую вам.

— Да... благодарю вас, мистер Грейсон. К сожалению, Сидни не смогла пережить все это.

— Поверьте, подобные происшествия ломают людей — лишь немногим удается вернуться к нормальной жизни. Но, откровенно говоря, я уверен: вы сделали все, что могли, —

детектив ненадолго замялся. Я же в свою очередь невольно окунулся в воспоминания о том дне — когда в последний раз смотрел на ее тело, где пульс уже миновал черту. Грейсон оперативно вытащил меня в действительность. — Извините, что вскрываю старые раны, но также до меня доходили слухи, что ваша жена не оставила предсмертной записки. Это правда?

— Да, мистер Грейсон, так и есть, — уж лучше бы в действительности так и было.

— Это кажется довольно странным с учетом всего произошедшего. Да и в целом ваше дело до сих пор не отпускает меня. Я все никак не могу сложить этот пазл у себя в голове... Впрочем, извините. Вы наверняка не имеете никакого желания говорить об этом.

— Вы знаете, на самом деле я так и не смог до конца отпустить всю эту ситуацию. Подскажите мне, пожалуйста, что именно вы находите подозрительным?

— Ну, раз уж вы сами изъявили желание... Показания свидетелей. И я не говорю сейчас о тех, кто находился в баре, я имею в виду самих участников. Вы знаете, хоть я — уж простите — и не могу раскрыть вам их личности, это были определенно не простые «ребята с улицы». Я прекрасно понимаю, чем именно они, так сказать, могли привлечь внимание. Но в то же время отдаю отчет в том, что с ними все может быть далеко не так просто, — что?! И ты говоришь мне об этом только сейчас?! Зачем?! Какого черта ты не можешь

назвать мне их имен?! Успокойся. Не показывай ему, что тебя это задевает. Попытайся узнать все, что только сможешь.

— Почему же вы не можете назвать мне их имена, детектив?

— Понимаете, дело не дошло до судебного разбирательства. А их адвокаты... Их адвокаты настолько хороши, что в случае обнародования хоть какой-то информации просто уничтожат меня вместе с доброй половиной всего нашего полицейского управления. И их юристы, поверьте, меньшее из зол, — черт возьми, да кто они вообще такие?! Получается, что я слишком рано сдался, рано опустил руки! Но сообщение... было же это проклятое сообщение! Она же сама мне во всем призналась. Она же...

— Я смотрю, у вас происходит довольно оживленная беседа! — бесцеремонно прервал мои душевные терзания господин Хайтауэр. — Познакомься, юноша, это мой старший сын Майкл. Он недавно вернулся из Европы и какое-то время планирует провести в нашем городе. Надеюсь, вы подружитесь.

Я наспех окинул взглядом этого относительно молодого парня. На вид ему было не более двадцати пяти лет. Глаза и волосы у него ровно такие же, как и у Виктории, что резко контрастирует с внешностью их младшего брата... Тут два варианта: генетическая шутка либо же неполное родство.

— Вы же помните Майкла, детектив? Будучи ребенком, он своими проказами доставил вам немало неприятностей!

— Да, господин Хайтауэр, что было, то было. Мелкое хулиганство — ведь относительно частое подростковое явление.

— Прекрати, пап! Я перерос все это еще со времен приходской школы. Очень приятно! Как вы уже поняли, меня зовут Майкл, рад познакомиться, — он протянул мне руку. Я молча подал свою в ответ. Я не мог говорить тогда. В моей голове были лишь мысли о том, что я только что услышал из уст детектива. Странности, юристы, не простые «парни с улицы»... Твою мать! Черт, как же так?! Нет, снова это?! Мое дыхание перехватывает. Успокойся, не паникуй. Придумай... быстро придумай способ, как свалить отсюда и тут же приступай к делу!

— Прошу меня извинить, господа. Боюсь, что мне стало немного не по себе от переизбытка морепродуктов в моем желудке. Думаю, мне будет лучше поехать домой, — идиот, и это все, что ты смог выдумать?!

— Конечно же, поезжайте, юноша! Может, вам предоставить моего водителя?

— Благодарю, господин Хайтауэр. За мной заедет служебный автомобиль.

Быстрее... быстрее, быстрее! Да поезжай же ты, блядь, быстрее! Мне нужно все осмыслить. Обдумать, разложить по полочкам в голове. Я рано опустил руки? Черт, рано! Думай! Вспомни о том, что ты намеревался сделать до того, как увидел это странное сообщение. Начни с малого, лично встреть-

ся со всеми, с кем только сможешь, из свидетелей. Ведь насколько это уже можно понять, от полиции ты ничего не добьешься. Значит, начни узнавать все сам. Докопайся до правды. Ты же видишь, что не можешь жить, не зная истины... Невольно я сжал телефон так, что побелели костяшки. Мимолетное ощущение внезапно вернувшейся мотивации будто бы слегка согрело мое ледяное тело изнутри. У меня снова появился смысл. Я снова знаю, что нужно делать, зачем мне жить! Уж теперь точно... теперь-то я со всем этим разберусь. Я все узнаю!

Однако, насколько безмерна была радость нежданно вернувшегося стремления бороться, настолько же удручающе глубоким было и последовавшее за этим разочарование. Бармен, таксист, Джуди... Гребанная Джуди Кембл и одна из ее подруг (та, которая не принимала участия в той ситуации, непосредственная участница, как утверждала Джуди, уехала на родину своего жениха) все как один твердили примерно одно и то же. Конечно, с небольшими расхождениями, но не настолько масштабными, чтобы обратить на них внимание. Они говорили то, что я и так уже тысячу раз слышал. Угрозы, подкуп, мольба — все без толку. Насколько же это горько, испытав чуть уловимую надежду, вновь загоревшись — в итоге погаснуть так, как никогда ранее. Будто истлел самый последний, самый крепкий, казалось, даже нерушимый уголек. Что же, ты знаешь, что делать в подобных ситуациях, да, парень? Ты же вновь поползешь за бутылкой? Ты же не

изменишь себе в этом? Ты слаб. Ты, как и всегда, бесполезен и никчемен. Ты не способен придумать ничего нового. Ты снова будешь жалеть себя и опускаться все ниже... Да, думаю именно этим я и займусь.

Прекрати, Боб! Ты же прекрасно понимаешь, что сегодня, как, впрочем, и четырьмя днями ранее, я не возьму трубку. Я не хочу, Боб. Иди в задницу ты, твоя сраная работа, эти ублюдские богатеи и весь этот сгнивший, ебанный мир! Впрочем... спасибо, Боб. Возможно, ты единственный, кто хоть немного переживает о моем состоянии.

Который сейчас час? Я опустил взгляд на левое запястье. Двенадцать часов ночи? Именно так. Сколько я уже выпил? Не помню. А есть ли смысл считать? Нет, я не могу так больше. Не хочу. Я не способен жить в неведении. Это слишком тяжело. Сидни... Чертова Сидни, это ты привела меня к этому! Это из-за тебя я сейчас здесь! Какая же ты тварь, Сидни! Ты оставила... ты бросила меня наедине с тем, во что я просто не в состоянии поверить! Нет-нет-нет... Нет уж, Сидни! Так или иначе, ты дашь мне ответ! Не в этой, так в другой жизни!

Мой взгляд невольно упал на нижний ящик стола. Я знал. Я прекрасно понимал, что там находится. В тот момент я посчитал, что это именно то, что способно мне помочь. Что это ключ к той двери, которая напрямую приведет меня к ней. И уж тогда я лично узнаю все ответы! Изрядно шатаюсь от опьянения, я подошел к столу и выдвинул ящик. Насколь-

ко же прекрасно выглядит этот кольт «Питон»! Хэнк рассказывал, что ему стоило немалых усилий достать этот револьвер посредством старых дядиных знакомств. И все ради того, чтобы подарить его на мое назначение начальником отдела. Смешно... этого засранца ведь недавно повысили до должности, которую я когда-то занимал. Забавно, Хэнк, ты сказал, что этот кольт будет прекрасным сувениром, но в случае необходимости послужит и хорошим защитником от врагов. Что ж, ты был прав. Ведь мой самый худший и страшный враг — это я сам. Я открыл барабан — все патроны на месте. В таком случае верну его на место и исполню задуманное. Раньше я был уверен, что мне никогда не хватит смелости для этого. Как выяснилось, выпитая бутылка бурбона неплохо так притупляет чувство страха. Сидни... подожди меня еще совсем немного. Скоро мы с тобой встретимся.

Я беру револьвер в правую руку. Взвожу курок. Закрываю глаза. Чересчур сложно сделать это с открытыми. Черт, не думал, что когда-либо окажусь здесь. Секундное замешательство... нет, нет времени на раздумья. Наступил момент покончить со всем этим. Я нажимаю на спусковой крючок. Щелчок...

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.